Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕЧКА
АГИТАТОРА И
ПРОПАГАНДИСТА

Выпуск 74—77

СЕРИЯ „В ПОМОЩЬ КРУЖКАМ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ"
КНИЖКА 4

Александр КОРНЕЙЧУК

ФРОНТ

ПЬЕСА

(Перевод с украинского)

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ"
Пенза
1942

Т. верено

Смерть немецким оккупантам!

С (Укр)
К 67

Александр КОРНЕЙЧУК

34428

ФРОНТ

ПЬЕСА

(Перевод с украинского)

Пенз. Обл. б-ка
им.
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ"
Пенза 1942

9

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГОРЛОВ — командующий фронтом.

ГАЙДАР — член Военного Совета.

БЛАГОНРАВОВ — начальник штаба фронта.

ОГНЕВ — командующий армией.

КОЛОС — командир кавгруппы.

ОРЛИК — начальник политотдела армии.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ — начразведотдела штаба фронта.

ГОРЛОВ МИРОН — директор авиазавода.

ГОРЛОВ СЕРГЕЙ — гвардии лейтенант.

СВЕЧКА — гвардии полковник.

КРИКУН — специальный корреспондент.

ТИХИЙ — редактор фронтовой газеты.

ОСТАПЕНКО—гвардии сержант.

ГОМЕЛАУРИ — гвардии младший сержант.

БАШЛЫКОВ — гвардии сержант.

ШАЯМЕТОВ — гвардии младший сержант.

МАРУСЯ — санитарка.

ХРИПУН — начальник связи фронта.

МЕСТНЫЙ — председатель горисполкома.

ПЕЧЕНКА — боец.

ГРУСТНЫЙ — артист.

Командиры, штабные работники, бойцы, гости.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Кабинет командующего фронтом. На стене — карта. Около нее — командующий фронтом Горлов. Входит ад'ютант.

АД'ЮТАНТ. Товарищ командующий, редактор нашей фронтовой газеты, старший батальонный комиссар Тихий и специальный военный корреспондент, батальонный комиссар товарищ Крикун просят уделить им пять минут.

ГОРЛОВ. Пусть зайдут. (Дернул шнур, карта закрылась. Сел за стол, начал писать. Входят корреспондент Крикун и редактор Тихий. На поясе у Крикуна огромный маузер, на груди висит лейка). Садитесь. Я сейчас. (Кончил писать). Ну, щелкоперы, что скажете? (Смеется. Тихий и Крикун встали).

КРИКУН. Редакция столичной газеты, которую я имею честь представлять, поручила передать вам, товарищ командующий фронтом, вам, бесстрашному полководцу, горячее поздравление. Сегодня

мне сообщили по телефону, что Указ о награждении вас орденом помещен в нашей газете на первой странице. Мне заказали о вас статью, и я с величайшей радостью написал статью в триста строк. Чтобы не ошибиться, разрешите узнать, в каком году вы получили первый орден.

ГОРЛОВ. В тысяча девятьсот двадцатом.

КРИКУН (записывает). Так-с. Второй?

ГОРЛОВ. Второй—в тысяча девятьсот двадцать первом.

КРИКУН. Чудесно. Третий?

ГОРЛОВ. В день двадцатилетия Красной Армии.

КРИКУН. Прекрасно. (Пишет). Четвертый?

ГОРЛОВ. А четвертый — выходит, сегодня.

КРИКУН. Ах, да. Простите, простите. Разрешите вас запечатлеть для столичной прессы.

ГОРЛОВ (улыбнулся). А может, не надо?

КРИКУН. Никак нет. Страна должна знать своих выдающихся полководцев. Одну минуту (направил лейку). Так. Спокойно. Есть. Еще разочек. В профиль. Так. Есть. Благодарю. Простите, товарищ

командующий, узел связи отказывается сегодня передать мой материал. У меня всего две статьи — одна о героях-бойцах, другая — о вас. Очень прошу помочь.

ГОРЛОВ. А кто вас обижает?

КРИКУН. Комиссар. Говорит—длинные, сокращать надо. Но разве можно сокращать такой материал?

ГОРЛОВ. Про меня — пожалуй, можно и сократить, а вот о бойцах—это нельзя.

КРИКУН. Сократить никак не могу. Вся композиция рассыплется. Здесь вопрос в архитектонике, стилевой план статьи таков...

ГОРЛОВ. Ну, хорошо, хорошо. И народ же вы, щелкоперы, закручивать мастера, композиция, стиль и еще, как там у вас, эти жанры? Темное дело. Мы, солдаты, народ простой. С нами говорить надо просто: так, мол, и так. Помоги, товарищ командующий, а мы, коль в силах наших, так поможем. (Нажал кнопку, вошел ад'ютант). На провод Хрипуна.

АД'ЮТАНТ. Генерал-майор Хрипун здесь. Только что зашел.

ГОРЛОВ. Давай его.

АД'ЮТАНТ. Есть (вышел).

ГОРЛОВ. Я вашего брата люблю, уважаю, только мало пишете и отрабатываете мало. Вы бы больше на передовую ездили. Там такой материал...

КРИКУН. Я с радостью и жил бы на передовой. Но я специальный корреспондент по фронту и должен быть, к сожалению, при штабах, чтобы освещать все. Но, не беспокойтесь, я получаю материал здесь и его обрабатываю. Уже напечатано сто пять моих статей о героях. Мне важен факт, а все остальное я создаю.

ГОРЛОВ. Это хорошо. Побольше надо. (Входит начальник связи генерал-майор Хрипун).

ХРИПУН. Разрешите, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Садись. Почему корреспондента обижаешь?

ХРИПУН. Товарищ корреспондент ко мне не обращался.

КРИКУН. Я к товарищу комиссару обращался.

ГОРЛОВ. Вправь ему мозги, чтобы газетчиков мне не обижали. Это дело нужное. Народ должен знать, как воюем, героев-то сколько у нас. И для истории.

А как же? Когда-нибудь, через пятьдесят лет откроют газету, и там, как в зеркале, видно, как мы воевали. Это большое дело.

ХРИПУН. Есть, товарищ командующий. (К Крикуну). Через часок загляни ко мне.

КРИКУН. Спасибо.

ГОРЛОВ. А вот если откроют нашу фронтовую, газету, так мало что там увидят. Плохо работаете, товарищ редактор.

ТИХИЙ. Виноват, товарищ командующий. Разрешите узнать ваши замечания. Учтем. Постараемся. Выправим...

ХРИПУН. Да, закатили сегодня, чуть не страницу, болтовни.

ТИХИЙ. Это о связи?

ХРИПУН. Какая там связь. Вы расписались в своей глупости. Я командующему докладывал и он со мною согласен.

ТИХИЙ. Товарищ командующий, ведь это беседа нашего корреспондента с командующим армией Огневым.

ГОРЛОВ (смеется). А ты думаешь, у командующего армией в голове не может быть ерунды? Сколько раз приходится им мозги вправлять. А Огневу

особенно. Этот любит в облаках жить, а мы — на земле. Протягивай ножки по одежке.

ТИХИЙ. Виноват, но в данном случае я считаю...

ГОРЛОВ. Что ты считаешь? Ты в военном деле дважды два не знаешь. А уже—я считаю... Что это за болтовня? (Берет газету, смотрит).

ХРИПУН. Вот здесь (показывает), хотя бы это место...

ГОРЛОВ (читает). «Не хотят понять те, кому должно знать, что сегодня командовать без настоящей радиосвязи невозможно. Это не гражданская война». Болтун. Что он знает о гражданской войне? Под стол пешком ходил, когда мы четырнадцать держав били. И побьем любого врага, и не радиосвязью, а геройством, доблестью. А он расплакался. Командовать нельзя. Что ж, научим.

КРИКУН. Ай-я-я...

ХРИПУН. А вот, только подумайте. (Читает). «Только наша отсталость, тупость отдельных командиров и начальников мешают поставить радиосвязь на должную высоту. Все условия для этого есть».

КРИКУН. Ай-я-я... Это же критика командования.

ХРИПУН. Это еще было бы ничего, а вот (читает): «Радиосвязь, как и вообще связь, у немцев хорошая, и нам надо учиться у врага и обогнать его». Вы понимаете, что это значит? Вот прочитает любой боец, командир. Что он скажет о своей связи? Подымает ли это его боевой дух? Для чего нам пропагандировать фашистскую связь, кому это нужно?

ГОРЛОВ. Ну, с редактора взятки гладки. Для него это темная материя, а Огнев сегодня будет здесь. Мы его спросим. (К Тихому). А тебя предупреждаю, если будешь совать свой нос не в свое дело вместо того, чтобы как следует показывать изо дня в день героев-бойцов, богатырей наших,—то будет плохо.

ТИХИЙ. Виноват, товарищ командующий. Учтем. Выправим. Постараемся...

ГОРЛОВ. Вы свободны.

(Тихий и Крикун уходят. Но, когда Тихий ушел за дверь, Крикун вернулся).

КРИКУН. Простите, товарищ командующий. Я должен буду, как представитель центральной прессы, написать кри-

тическую статью о вашей фронтовой газете. Действительно, она не занимается на полный голос рядовыми героями, как вы справедливо соизволили отметить.

ГОРЛОВ. А что ж, покритикуй. Вправь мозги нашему редактору. Это только на пользу.

КРИКУН. Слушаюсь. Разрешите итти?

ГОРЛОВ. Иди.

(Крикун вышел).

ХРИПУН. Он вообще зазнался.

ГОРЛОВ. Кто?

ХРИПУН. Огнев. Строит из себя маршала.

ГОРЛОВ. Это все молодость. Начал воевать полковником. Через три месяца генерал-майора получил, а сейчас — командующий армией. Вот голова и закружилась. А силенки мало. Ну, и начал хитрить, щелкоперствовать, оправдываться.

ХРИПУН. Хитрит, хитрит.

ГОРЛОВ. Ясно. Если бы у него дела были лучше, не стал бы статьи писать. Солдаты не пишут, а воюют. Ты дело сделай, а щелкоперы всегда найдутся и опишут, что было и чего не было. (Смеется).

ХРИПУН. Истинно, истинно. Суворовская школа у вас, Иван Иванович.

ГОРЛОВ. Давай, что у тебя? (Хрипун подал бумагу. Горлов читает, пишет). С кавгруппой связь установили?

ХРИПУН. Никак нет, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Почему?

ХРИПУН. Приняты все меры, думаю, что через денек—два с Петровым связь будем иметь.

ГОРЛОВ. Смотри, голову оторву.

ХРИПУН. Все будет в порядке. Разрешите быть свободным?

ГОРЛОВ. Да. Приходи через час ко мне, поужинаем вместе. День-то у меня сегодня вроде праздничный.

ХРИПУН. Благодарю, товарищ командующий. Разрешите прибыть с поздравленьицем?

ГОРЛОВ. А что у тебя?

ХРИПУН. Осталось полдюжинки старого коньячку.

ГОРЛОВ. Ну? Прихвати.

ХРИПУН. Есть. (Вышел).

(Горлов нажал кнопку, входит ад'ютант).

ГОРЛОВ. Огнев есть?

АД'ЮТАНТ. Никак нет, еще не прибыл.

ГОРЛОВ. А Колос?

АД'ЮТАНТ. Никак нет. Уж очень сильная выога поднялась.

ГОРЛОВ. Гайдар у себя?

АД'ЮТАНТ. Член Военного Совета принимают у себя начальника политуправления. К вам приехал ваш брат, назвался Мироном Ивановичем Горловым.

ГОРЛОВ. Мирон? Не может быть. Давай его сюда, быстро. (Встал, идет навстречу. Входит Мирон Горлов). Мирон, откуда?

МИРОН. С неба. (Обнялись, целуются). Ну, как же ты?

ГОРЛОВ. Воюем.

МИРОН. Такой же, как и был. Здоров?

ГОРЛОВ. Этого у меня еще хватает.

МИРОН. И не изменился, даже не поседел, а ведь не видел я тебя двенадцать лет. Хорош, хорош.

ГОРЛОВ. У солдата фасад меняют не годы, а штык, пули, осколок. Ты что ж так подался? Ведь ты моложе меня на семь лет, а побелел, что с тобой?

МИРОН. Все война. Нам, штатским, трудно. В финляндскую поседел, а в эту—побелел.

ГОРЛОВ. Поменьше нервничай. Бери с нас пример.

МИРОН. Не выходит. Разреши курить.

ГОРЛОВ. Что ж спрашиваешь, кури. Делай, что хочешь. У меня все по-простому, интеллигентщины не терплю, все по-солдатски. Кури, пей, крой матом, но чтобы дело шло.

МИРОН. Это хорошо, когда дело идет.

ГОРЛОВ. Почему не писал? Зазнался, Мирон? А?

МИРОН. Нет, что ты. Когда кончил институт, я тебе писал, помню, и часто, потому денег просил. Но ты раз прислал и больше не ответил.

ГОРЛОВ. Ну? Не получал, не получал.

МИРОН. А потом послали меня в Америку.

ГОРЛОВ. В Америке был?

МИРОН. Два года.

ГОРЛОВ. Это хорошо. Ну как она, Америка, гниет очень? (Смеется).

МИРОН. Меня к Форду послали. Я работал два года в кузнечном цехе, у конвейера, везде простым рабочим.

ГОРЛОВ. Во, а я думал—так, посмотреть. Нас ведь тоже посылали когда-то

в Германию и во Францию. Германия мне не понравилась. Скука. А вот во Франции пожили, да. Чего только не видели. Жаль, скоро отозвали. Отлично с'ездили, отлично. Вспомнить приятно.

МИРОН. А я как вспомню фордовский конвейер, так мне и сейчас холодно делается.

ГОРЛОВ. Почему?

МИРОН. Трудно было вначале, с ума сходил, чтобы не отстать, выгнали б. Насилу ноги из цеха выносили после работы. Ни есть, ни пить — падал, как мертвый.

ГОРЛОВ. Как Валя? Дети есть?

МИРОН. Нет. Валя на заводе у меня конструктором. Живем так: я под утро прихожу, она спит; когда я просыпаюсь, она уж на работе. Ругаемся и целуемся по телефону третий год. Как она меня не бросила, просто удивляюсь. (Смеется).

ГОРЛОВ. Не бросит. Ты хоть подался, но еще красив, а бабы красивых любят.

МИРОН. Да что ты, морда у меня теперь от бессонных ночей всегда, как подушка, мятая.

ГОРЛОВ. Сына надо бы тебе. Сережка-то мой уже воюет.

МИРОН. Ну? Хотел бы видеть его.

ГОРЛОВ. Приедет. Я вызвал на сутки. Он здесь недалеко. Ты все автомобилями занимаешься?

МИРОН. Давно перестал. Авиацией. Директором целой махины.

ГОРЛОВ. Значит, тебя ругать должно. Самолеты нас режут. Мало делаете... Мало...

МИРОН. Знаем, стараемся. Вот скоро новый подарок получите. Два месяца день и ночь трясло нас, как в лихорадке, но вышло. Скорость такая, что Геринг от злости лопнет.

ГОРЛОВ. Вы поменьше со скоростью возитесь, а главное—давайте побольше. У немцев-то сколько самолетов...

МИРОН. Ты эту песенку брось, мы ее знаем, наслушались от вашего брата. Хватит. К чертям.

ГОРЛОВ. Почему? Не понимаю.

МИРОН. Годами кричали некоторые наши военные стратеги: давайте нам побольше самолетов, скорость—дело второстепенное, нам количество важно. А мы, штатские, слушали и хлопали глазами.

ГОРЛОВ. Ну, и верно.

МИРОН. Вот если бы и дальше таких стратегов слушали, то мы бы теперь по-

Побили, перебили бы нас немцы, как перепелок.

ГОРЛОВ. Шутишь.

МИРОН. От этих шуток я побелел раньше времени. Уверяю, ни одна авиапромышленность в мире не могла б так быстро перестроиться, как наша, но это нам стоило больших усилий. Благодаря этим усилиям теперь у нас вполне современные скоростные самолеты... Не знаю, кто бы мог выдержать такое напряжение.

ГОРЛОВ. А все-таки теперь число—это великое дело, и на земле и в воздухе. Число побеждает. Оно—существо, душа военного дела, вот что главное сейчас.

МИРОН. А Суворов говорил—воюют не числом, а уменьем. Качество—великое дело.

ГОРЛОВ. Здравствуй, а мы что ж, воевать не умеем? Этого у нас хоть отбавляй. Суворова знаем и уважаем, но теперь и ему жарко было бы. Вам, штатским, этого не понять. Расскажи лучше, как живешь.

МИРОН. Много было и хорошего и плохого. Теперь прямо из Москвы прилетел. Товарищ Сталин вызывал. Новую модель с конструктором показывали.

ГОРЛОВ. Как товарищ Сталин выглядит? Изменился?

МИРОН. Да как тебе сказать. И не заметил. Я докладывал о заводе. Надо коротко, по сути. А это трудно. Дел много. Так что запомнил вопросы, советы, его же самого рассмотреть не успел.

ГОРЛОВ. Ну, что же ты. Так не полагается. У вождя был, и рассказать не можешь. Ты, брат, делягой стал, делягой. Это уж не полагается.

МИРОН. Возможно. Я спросил о тебе.

ГОРЛОВ. И что ж он?

МИРОН. Сказал, что вчера приземлился у тебя немец на истребителе, заблудился. Самолет новой системы. Винт погнул, а все в порядке. Так, чтобы не дожидать, пока его привезут, посоветовал мне товарищ Сталин слетать сюда посмотреть,—быстрей дело будет.

ГОРЛОВ. Обожди. (Нажал кнопку, вошел ад'ютант). Начальника ВВС на провод.

АД'ЮТАНТ. Есть, начальника ВВС. (Ушел).

ГОРЛОВ. А как же товарищ Сталин узнал?

МИРОН. Ты же ему сообщил.

ГОРЛОВ. Нет, не сообщал.

МИРОН. Тогда не знаю.

ГОРЛОВ. Что еще говорил? Не ругал?

МИРОН. Кого?

ГОРЛОВ. Да меня.

МИРОН. Нет, ничего больше о тебе не сказал.

(Входит ад'ютант).

АД'ЮТАНТ. Генерал-майор Удовиченко на проводе.

ГОРЛОВ (взял трубку). Слушай, ты что ж это, а? Почему не сообщил мне, что самолет вчера приземлился... Немец на истребителе... Когда? Не помню. Врешь. Звонил? Не может быть... Ну, хорошо. А в Москву кто сообщил? Ага. В Москву успел, а командующему что... Значит, плохо доложил. Ты, братец, поменьше бы говорил. Сыплешь, как горохом, и ни черта не разберешь. Впредь о таких случаях докладывать не по телефону, а извольте явиться и рапортовать. То-то ж...

МИРОН. А где самолет?

ГОРЛОВ. Самолет-то где? Так. Ну, обожди. (К Мирону). В сорока километрах отсюда.

МИРОН. Я сейчас туда и помчусь на машине.

ГОРЛОВ. Куда? Сейчас ночь, по снегу к утру только доберешься.

МИРОН. Ничего.

ГОРЛОВ (в телефон). Слушай, доставить этот самолет сюда в восемь ноль ноль. Понял?

МИРОН. Только осторожно перевозить, а то у нас...

ГОРЛОВ. И чтобы осторожно, в целости, как был. Головой отвечаешь. (Положил трубку). Не беспокойся. Утром птичку будешь иметь. У меня все, как часы. Это у вас там обсуждают, заседают, а здесь—приказ, и умри, а исполни.

МИРОН. Посмотрим.

ГОРЛОВ. Это точно. Ты газеты сегодня видел в Москве?

МИРОН. Нет, не успел. А что?

ГОРЛОВ. Меня сегодня четвертым орденом наградили.

МИРОН. Ну? Поздравляю. (Жмет руку). Поздравляю. До конца войны, пожалуй, нехватит места вешать их. (Смеется).

ГОРЛОВ. Найдем. (Смеется). Лишь бы было за что получать.

МИРОН. Да. Такое ваше генеральское дело. Или грудь в орденах, или морда в

синяках. Правда, вашему брату синяков-то мало ставят, больше нам попадает, как всегда.

ГОРЛОВ. Выходит, заслужили.

МИРОН. Возможно. Но я бы на месте правительства вам больше синяков ставил, да таких, хороших, чтоб все видели, а орденов поменьше.

ГОРЛОВ. Ты это брось, Мирон. Зависть—дело плохое.

МИРОН. Никак не завидую, Ваня. Потому, вижу бурю. Бойцов, средних командиров, еще, пожалуй, генералов, что командуют дивизиями, награждать надо. А вашего брата, которые повыше,—только после войны. Особый орден придумал бы, так, сразу на всю грудь, чтобы за километр видели—стратег идет, уважать и кланяться всем.

ГОРЛОВ. Шутник же ты. Каким был в молодости, таким и остался.

(Входит ад'ютант).

АД'ЮТАНТ. Генерал-майор Огнев и генерал-майор Колос прибыли.

ГОРЛОВ. Давай их. Зови начальника штаба и члена Военного Совета.

АД'ЮТАНТ. Есть. (Вышел).

МИРОН. Куда мне итти?

ГОРЛОВ. Обожди. Я недолго. Познакомлю тебя с моими генералами и пойдем вместе поужинаем. Или очень устал?

МИРОН. Нет, нет.

(Входят Огнев и Колос).

ОГНЕВ. Генерал-майор Огнев прибыл по вашему приказанию.

КОЛОС. Генерал-майор Колос прибыл по вашему приказанию.

ГОРЛОВ. Здорово. Знакомьтесь, брат мой единоутробный, директор авиазавода. (Знакомятся). Садитесь. Как ехалось?

КОЛОС. Неважно, товарищ командующий.

ОГНЕВ. Сугробы большие. Машину на руках несли больше, чем ехали.

ГОРЛОВ. Самолетом надо было.

КОЛОС. Погода не разрешила.

ГОРЛОВ. А брат мой из Москвы прилетел.

МИРОН. Из Москвы я вылетел хорошо. А у вас, думал, угроблюсь. Сел-то я в тридцати километрах отсюда, а потом машиной.

ГОРЛОВ. Да ну? А я думал—ты прямо.

МИРОН. Нет.

(Входят начальник штаба Благонравов и член Военного Совета Гайдар. Генералы встали).

ГОРЛОВ. Знакомьтесь. Брат родной. Прибыл по заданию товарища Сталина. Директор авиазавода.

ГАЙДАР. Очень приятно. Гайдар.

БЛАГОНРАВОВ. Начальник штаба фронта Благонравов.

ГОРЛОВ. Садитесь. Так что, Мирон Иваныч, посиди с нами. Мы недолго. А потом всех прошу к себе ужинать. Давай, начальник штаба.

БЛАГОНРАВОВ. Я думаю, пусть вначале доложит командующий семнадцатой об исполнении приказа семьсот шестьдесят один, а также генерал-майор Колос.

ГАЙДАР. Это верно.

ГОРЛОВ. Давай, Огнев. Коротко.

ОГНЕВ. И очень, товарищ командующий. Приказ выполнен. Хотя совершенно не понимаю, для чего.

ГОРЛОВ. А ты не будь таким прытким. Сейчас уразумеешь.

КОЛОС. Приказ выполнен. Но тоже, признаться, не понимаю смысла приказа.

ГОРЛОВ. Тебе, старику, не следовало бы так рапортовать. Выполнил, и все. А

дальше—жди, скажут. Это ему, по молодости, простительно. Тебе ж давно надлежит знать, что каждому овощу свое время положено. (Смеется). Так?

КОЛОС. Так точно.

ОГНЕВ. Если дело касается овощей.

ГОРЛОВ. Тебя не спрашивают. Давай, начальник штаба.

БЛАГОНРАВОВ (вынул из папки бумаги, подошел к карте, открыл ее). Все наши попытки взять станцию Колокол до сих пор, к сожалению, ни к чему не привели. Немцы ее очень укрепили и сковывают наши части второй месяц. Овладеть станцией Колокол—это значит заставить немцев немедленно откатиться за реку. Командующий фронтом генерал-лейтенант Горлов приказал нам разработать следующую операцию. С севера на подступах к укреплениям станции Колокол командующий армией Огнев оставляет заслон, а сам с приданной ему кавалерийской группой Колоса взламывает вражескую оборону у села Александровка и движется к местечку Вороньи Плоты. Южнее станции Колокол делает прорыв танковый корпус с приданной ему десантной группой автоматчиков и контролирует эти две дороги. Немцы, чтобы не

попасть в полное окружение, должны будут оставить станцию Колокол и двинуться по единственно свободной дороге, но эту дорогу легко пересечь Огневу из Вороньих Плотов. Остается один путь отступления—это по сугробам без дорог, бросив всю технику. Тогда вступит в свои права кавгруппа Колоса.

ГОРЛОВ. А главное—генерал мороз. (Смеется).

БЛАГОНРАВОВ. Так точно. И от немецкой группировки ничего не останется. Помочь ей авиацией не смогут, так как метель не только не унимается, а все усиливается. Воля командующего фронтом уже воплощена нами в приказах.

ГОРЛОВ. Ясно теперь для чего велась предварительная подготовка?

ОГНЕВ. Ясно.

ГОРЛОВ. Получайте приказ и дерзайте. (Подал приказ. Огнев и Колос сели в конце стола, вынули свои карты, читают приказ, отмечают на картах).

ГАЙДАР (к командующему). Меня, скажу откровенно, очень волнует, что, если немцы стянули на станцию много танков, может выйти так: они бросят их в тыл Огневу.

ГОРЛОВ (перебил). Ерунда! Нам точно известно, что на станции у них пятьдесят танков. Укрепились и сидят.

ГАЙДАР. А если из-за реки бросят...

ГОРЛОВ. А если землетрясение... (Смеется). Главное—натиск. Ошеломить и уничтожить.

ГАЙДАР. Ошеломлять-то мы можем, не раз ошеломляли, а вот окружить и уничтожить...

МИРОН. Это реже получается...

ГОРЛОВ. Смотря, у какого командующего. Ты, товарищ Гайдар, приказ-то подписал?

ГАЙДАР. Подписать — подписал, все кажется верным, но рука-то у меня дрожала, как никогда.

ГОРЛОВ. Это потому, что штатский дух из тебя еще не вышел. Всегда у тебя рука дрожит. Что смущает?

ГАЙДАР. Да вот этот клин, Колокол. А вдруг здесь...

ГОРЛОВ. На войне, дружище, всегда «а вдруг». Дерзать надо. Верно, начальник штаба?

БЛАГОНРАВОВ. Взвешивать и дерзать,—так говорил Мольтке.

ОГНЕВ. Неточно, товарищ начальник штаба. Мольтке говорил: сперва взвеши-

вать, а потом дерзать. Сперва взвешивать, что соответствует—семь раз примерь, а раз отрежь.

ГОРЛОВ. Правильно.

ОГНЕВ. А раз правильно, то приказ ваш, товарищ командующий фронтом, меня очень смущает, как командующего армией, хотя, как человека, радует и очень, потому что Вороньи Плоты—моя родина и там мой отец. Вдруг жив?

ГОРЛОВ. Вот и здорово. Освобождай отца.

ГАЙДАР. Как же это получилось, что отец ваш там?

ОГНЕВ. Осенью во время прорыва Вороньи Плоты были захвачены внезапно немцами.

ГОРЛОВ. Ну, давай, давай, юноша. (Смеется). Он у нас в щелкоперы записался. Читал его беседу о связи?

ГАЙДАР. Читал.

ГОРЛОВ. В писатели полез. Во! (Смеется). Давай.

ОГНЕВ. Вы всегда смеетесь надо мной. Но, поверьте, меня это ничуть не тронуло б, если бы потом над нами не смеялась действительность.

ГОРЛОВ. Это ты к чему? Выкладывай начистоту.

ОГНЕВ. Этот приказ напоминает мне прошлый, когда вы тоже смеялись надо мной.

ГОРЛОВ. И верно делал. Ведь немцев тогда мы побили и город взяли.

ОГНЕВ. Город взяли и немцев побили. А чем взяли? Кто победил? Взяли доблестью бойцов, геройством средних и младших командиров. Победил боец вопреки приказу, который поставил войска в самые невыгодные условия. Это факт.

ГОРЛОВ. Интересно. Дальше. (Записывает).

ОГНЕВ. А дальше—повторяется та же история. Вы говорите о дерзости. Никакой в этом приказе дерзости нет, она и не ночевала. Потому что нет в нем мысли, все берется на «уру», на «авось», как будто бы противник перед нами дурак и спит. Разве так окружают? Вы просто одним махом нарисовали круг, а нам: скачи, ребята, с двух сторон, замыкай. Если хотите, я докажу это по любому пункту. Куда вы, к чорту, хотите послать танковый корпус? Ведь ясно: только я рвану вперед, немцы сразу выпустят танки на мои тылы...

ГОРЛОВ (перебивает). Довольно, генерал-майор Огнев. Ты забыл, что нахо-

дишься не на комсомольском собрании, а у командующего фронтом. Я вызвал тебя не для дискуссии.

ОГНЕВ. Я давно вырос из комсомольского возраста.

ГОРЛОВ. Вырос. Да видно, что недавно. Иначе не перебивал бы командующего.

ОГНЕВ. Виноват, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. То-то ж. А ты как, старина? Что ус крутишь?

КОЛОС (встал, взволнованно). Товарищ командующий! Дорогой Иван Иванович, с тобой я всю гражданскую войну прошел, вместе мы начинали, вместе хлебали и радость и горе, умереть за тебя готов. Но правда—выше всего. А правда на стороне генерал-майора Огнева. Танковый корпус не угонять надо чорт знает куда, а придать армии Огнева.

ГОРЛОВ. Хватит! Война—это риск, а не арифметика, пора знать.

ГАЙДАР. А по-моему, война есть расчет, арифметика. Может быть, все-таки выслушаем?

ГОРЛОВ. Для меня все ясно. А ты, если хочешь слушать, так вызови их к

себе. Вопросы по существу будут? (Молчание). Будут вопросы?

ОГНЕВ. Никак нет, товарищ командующий. У меня только вопрос к начальнику штаба.

БЛАГОНРАВОВ. Прошу.

ОГНЕВ. Начальником разведотдела у нас еще этот, Удивительный?

БЛАГОНРАВОВ. Да. Полковник Удивительный.

ОГНЕВ. Простите, но он врет на каждом шагу. Ведь на станции свыше двухсот танков.

ГОРЛОВ. Что такое? (Смеется). Откуда они, с луны упали?

ОГНЕВ. Вчера один пленный показал — триста, другой—двести. Даже если взять среднюю цифру...

ГОРЛОВ. Оба наврали. Мало они врут. Запугать хотят. Это их метод. (Нажал кнопку. Вошел ад'ютант). Удивительного, быстро.

АД'ЮТАНТ. Есть.

ОГНЕВ. Разведчикам моей тридцатой дивизии сообщил партизан, что за последние десять дней прошло пять эшелонов цистерн на Колокол. Для чего им столько бензину? Ясно, что там не пятьдесят танков.

ГОРЛОВ. Но и не триста.

ОГНЕВ. А сколько?

ГОРЛОВ. Да откуда у них здесь столько танков? Только дурак может снять со всего фронта танки и стянуть их на одну станцию Колокол.

ОГНЕВ. Это не только станция, это крепость, трамплин для прыжка. Ведь около нее генерал Орлов танцует два месяца и ничего сделать не может.

ГОРЛОВ. А вот теперь сделаем одним махом. Партизан твой наврал. Они всегда очень врут и мало делают.

ГАЙДАР. Плохо у нас с разведкой. Надо принять серьезные меры.

ГОРЛОВ. Почему? Не согласен.

(Входит Удивительный)

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Полковник Удивительный прибыл по вашему приказанию.

ГОРЛОВ. Сколько танков на станции Колокол?

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Пятьдесят, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Не больше.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Может, подтянули за эти пять дней еще немного, но не думаю.

ГОРЛОВ. А Огнев говорит триста.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Откуда, товарищ командующий? У них на весь наш фронт теперь, пожалуй, пятисот не будет.

ГОРЛОВ. Верно!

ОГНЕВ. А почему бензин так усиленно перебрасывают немцы на Колокол?

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Не знаю. Вероятно, готовятся к будущему наступлению. У них вообще там склады.

ОГНЕВ. Кто ими сейчас командует?

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Не могу знать. Раньше командовал этот... вот забыл, фамилия у него тяжелая, в общем генерал-майор фон... Его убрали. Теперь какой фон, не знаю.

ОГНЕВ. Какая сейчас огневая мощь этой группировки?

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Обыкновенных четыре дивизии, приблизительно семидесятипроцентного состава. Точно сказать не могу.

ОГНЕВ. Есть ли у них лыжные полки?

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Думаю, что полков нет, может, группы небольшие есть. Немцы ведь к зиме не готовились.

ОГНЕВ. Чорт вас побери, меня не интересует, что думаете вы, а интересует, что есть у немцев в действительности. Знаете ли вы или нет? Отвечайте.

КОЛОС. Успокойся, Володя.

ГОРЛОВ. Ты что ж орешь, на базар приехал?..

ОГНЕВ. Его спросите, почему он врет, как на базаре. Что это такое? «Возможно», «думаю», «пожалуй», «вероятно». Как же вы разрабатываете приказ при таких сбивчивых данных разведки?

БЛАГОНРАВОВ. У нас есть данные, не беспокойтесь.

ОГНЕВ. Данные. Авиация не работает из-за метели пять дней. Какие данные еще у вас есть? Да за это время немцы чорт знает что могли сделать. Товарищ член Военного Совета, нельзя так дальше, что же это такое? (Поднял руку к бинту на голове). Фу, голова разрывается...

ГАЙДАР (встал). Товарищ командующий, я должен поговорить с вами. Прошу на несколько минут.

ГОРЛОВ. А что?

ГАЙДАР. Там скажу. (Ушел в другую комнату, за ним Горлов).

КОЛОС. Успокойся, Володя. Болит очень?

ОГНЕВ. Да.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Не понимаю вашей

истерики, генерал-майор Огнев. Я считаю, что...

КОЛОС (перебивает). Слушайте, товарищ Удивительный, вы бы лучше помолчали. А то, если он пустит в вас сейчас пулю, то я в любом трибунале буду доказывать, что так и надо было сделать.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Я могу уйти, чтобы ваши деликатные нервы успокоились. (Ушел).

МИРОН. Вот фрукт.

БЛАГОНРАВОВ. Нет. Он просто недалекий человек, с ограниченными способностями.

МИРОН. Чего же вы его держите?

БЛАГОНРАВОВ. Не я его назначал. Вы думаете, мне с ним легко? Приходится мириться.

МИРОН. Но почему же?

БЛАГОНРАВОВ. Как вам сказать, воевал он вместе с командующим все время, еще с гражданской. Работник старый, честный, заслуженный. Но слабоват.

(Входят командующий и член Военного Совета).

ГОРЛОВ. Вот что, ваш сосед слева— командующий двадцать пятой Орлов выдвинется до Александровки и обеспечит твои тылы, коридор твой не закро-

ют, не беспокойся. Если они и стянули немного танков, это ерунда. Выйти из укрепления на снег побоятся. Предупреждаю, приказ исполнять точно. За малейшее отклонение оторву голову. Это запомни крепко, а за недостойное поведение здесь делаю замечание. Впредь буду спрашивать по всей строгости. Ясно?.. Я спрашиваю, ясно?

ОГНЕВ. Так точно, товарищ командующий. Разрешите итти?

ГОРЛОВ. Идите.

Занавес.

Картина вторая

Квартира командующего фронтом. На сцене никого нет, только слышен шум из другой комнаты. Там собрались гости. Чествуют Горлова. Вышли Мирон и Гайдар. Мирон ставит на стол бутылку вина, бокалы, наливает.

МИРОН. Давайте, по единой.

ГАЙДАР. Спасибо, но я совершенно не пью.

МИРОН. А вы же за столом пили.

ГАЙДАР. Это я ситро наливал. Мне давно нельзя. Сердце пошаливает.

МИРОН. Придется одному. За ваше здоровье.

(Вошел гвардии лейтенант, артиллерист Сергей Горлов. В руках у него бокал).

СЕРГЕЙ. Дядя, милый! Это нечестно, бутылку со стола и ходу. Прошу, прошу бокальчик.

МИРОН (наливает). Ты бы, Сережа, остановился, а то совсем опьянеешь.

СЕРГЕЙ. Не удерживай. Я на передовой совсем не пью. Да. Положенных мне сто граммов всегда отдаю командиру орудия Чекаленко. А сегодня я хочу быть пьяным, и это только по случаю твоего приезда. Да. Я своим апостолам рассказывал, как ты меня учил рыбу ловить и раз отлупил. Все помню. (Обнял Мирона).

МИРОН. Каким апостолам?

СЕРГЕЙ. Я так называю моих артиллеристов. Они настоящие апостолы, чудеса делают каждый день.

МИРОН. Апостолы (смеется). Здорово!

СЕРГЕЙ. Товарищ член Военного Совета, скажите, хорош у меня дядя?

МИРОН. Сережа.

СЕРГЕЙ. Нет, вы скажите.

ГАЙДАР. Очень хорош.

СЕРГЕЙ. Ну, вот видишь, все единогласно признают. И мои апостолы тоже. Они тебя полюбили. Да. Слово гвардейца.

МИРОН. Ты что гвардейцам о штатском дяде рассказываешь? Тоже нашел тему. Ты бы им что-нибудь из военной жизни.

СЕРГЕЙ. Мы все любим после боя о штатской жизни говорить. Я о каждом на своей батарее знаю все. А они знают обо мне все. Живем, как семья. Знаешь, кто отец в нашей семье?

МИРОН. Политрук?

СЕРГЕЙ. Нет. Командир орудия Чекаленко. Ему сорок лет. Толстый, усатый. Король на открытой позиции, а рассказывает — умрешь от смеха. Приезжай, дядя, ко мне, живых апостолов увидишь: Остапенка, Шаяметова, Башлыкова, Ваську Сокола, таких людей мир обойдешь — не встретишь.

(Из другой комнаты слышно «за здоровье товарища командующего фронтом, ура». Крик «ура», звон бокалов).

А я не желаю, за командующего фронтом не пью.

МИРОН. Это почему?

СЕРГЕЙ. За отца выпил, кажется,

сверх нормы. А за командующего сегодня не желаю. Да. Вы, товарищ член Военного Совета, на меня не обижайтесь. Я это говорю только здесь. А вообще я порядок знаю. Командующего уважать и подчиняться следует беспрекословно. Но пить за него сегодня не желаю. Да. Все. А теперь, гвардии лейтенант, тихо спать.

ГАЙДАР. Вот это верно.

СЕРГЕЙ. Иду. Я только об'ясню мысль. Почему среди гостей нет моего командующего, генерал-майора Огнева? А? Вы не знаете. Я спросил отца. А он так выругался. Не любит. За что? Не хочет понять, что мой командующий генерал-майор Огнев—это все равно, что...

МИРОН. Чапаев?

СЕРГЕЙ. Нет.

МИРОН. Багратион?

СЕРГЕЙ. Нет.

МИРОН. Суворов?

СЕРГЕЙ. Ты не смейся.

ГАЙДАР. А кто же?

(Пауза)

СЕРГЕЙ. Он—Огнев, Владимир Огнев. Это надо понимать. А старик, мой отец, недалекий человек... Эх, обидно. (Выти-

рает глаза). Очень обидно. (Бросил бокал и ушел).

(Из комнаты, где гости, слышна гитара. Кто-то тихо поет).

МИРОН. Трудновато вам работать с братом моим.

ГАЙДАР. Я человек штатский. Был перед войной на гражданской работе. Ну, и трудно мне. Знать надо военное дело, а оно не то, что было в гражданскую войну. Очень все усложнилось.

МИРОН. А вы считаете, что брат мой действительно знает, как надо воевать сегодня?

ГАЙДАР. Опыт гражданской войны у него есть и авторитет среди командиров. Воюет, как может.

МИРОН. Воюет, как может... Как может? А как должно—это скоро будет?

ГАЙДАР (смеется). Этого мы все ждем.

МИРОН. А может, не надо?

ГАЙДАР. Что?

МИРОН. Ждать. Уж очень трудно, дорого стоит ждать.

ГАЙДАР. Других-то ведь поблизости нет.

МИРОН. Да... А Огнев как?

ГАЙДАР. Талантлив, но очень уж молод.

МИРОН (смеется). В гражданской войне не участвовал. И орденов мало, так?

ГАЙДАР. К сожалению, среди нашего высшего командного состава это еще играет главную роль. Каким бы талантливым молодой командир ни был, но раз с ними в гражданской войне не участвовал, не признают. Для вида по плечу похлопывают, а на самом деле презирают. Сколько приходится доказывать, уговаривать.

МИРОН. А вы не доказывайте, не уговаривайте, а об'явите войну невеждам и невежеству в военном деле.

ГАЙДАР. На войне этого делать нельзя.

МИРОН. Почему? Ведь вы помните, как было в промышленности. Сначала на многих заводах, в трестах сидели директорами старые, заслуженные, авторитетные товарищи, хвастались своей мозолистой рукой, сильным горлом и крепким словом, а технику дела не знали и знать не хотели, управлять заводом не умели. На каждом шагу трещали о своем бедняцком происхождении, но учиться не

хотели, расширять свои старые знания новым опытом не хотели. А толк какой вышел? Заводы работали из рук вон плохо, потому что почти везде сидели «авторитетные» и самовлюбленные невежды, и, если бы ЦК партии не повернул круто, не поставил инженеров, техников, знающих людей, во главе предприятий, то рабочие безусловно сказали бы: ну вас к чортовой матери с вашими старыми «авторитетными» людьми, если хозяйничать не умеете. Это факт. И как невежды ни кричали, их никто не поддержал. Народ любит и требует только знающих и умных руководителей.

ГАЙДАР. На войне все намного сложнее. Здесь круто повернуть — сломать можно. Другие методы нужны. Враг-то на нашей территории. Приходится возиться и не с такими, как ваш братец, лишь бы освободить свою землю.

МИРОН. Ну, что ж, возитесь. Но я уверен, что вам скоро эта возня надоест. Я же об'явил братцу войну сегодня. Мне здесь быть два дня, но я ему, буйволу, попорчу кровь.

ГАЙДАР (смеется). Как?

МИРОН. Если бы гости на час опоздали, то застали бы уже все тарелки

перебитыми. Братец одним блюдом так брякнул об пол, что только искры полетели. (Смеется).

(Входит ад'ютант командующего).

АД'ЮТАНТ. Товарищ член Военного Совета, разрешите доложить.

ГАЙДАР. Пожалуйста.

АД'ЮТАНТ. Только что звонили из Москвы, вам надлежит быть в Москве завтра в восемнадцать тридцать в Комитете обороны. Вот запись. (Передает листок).

ГАЙДАР. Скажите, чтобы приготовили самолет. На семь тридцать.

АД'ЮТАНТ. Есть, приготовить самолет на семь тридцать. (Вышел).

МИРОН. Жаль, что не послезавтра вылетаете. А то вместе.

ГАЙДАР. Очень было бы хорошо. Я сейчас командующего вызову. (Пошел в другую комнату).

МИРОН (наливает вино в бокал). Гостей много, а выпить не с кем. Что ж (поднял бокал), будь здорова, Валюша... (Пьет).

(Входят командующий и Гайдар).

ГОРЛОВ (смеется.) Смотри, братец-то, а, сам дует. Люблю. Хоть он и в критики записался, но...

МИРОН. Обожди. Вот гости разойдутся, я тебе баню устрою.

ГОРЛОВ. Ты потише. Здесь тебе не тыл, а фронт. И я—командующий. Прикажу, и мигом на гауптвахте очутишься. Понял? (Хохочет).

МИРОН. Меня член Военного Совета в обиду не даст.

ГОРЛОВ. Член Военного Совета, конечно, может запротестовать. Признаю. Но, если командующий в своем решении тверд, а он должен быть таковым, то и сам господь-бог тебе не поможет.

МИРОН. Ох, ты, буйвол. Разбаловали тебя, чорт, разбаловали...

ГОРЛОВ. Но, но... А то у меня—слово и дело. Будь здоров. (Взял бокал. Пьет).

ГАЙДАР. Слушай, Иван Иванович, меня вызывают в Москву. Быть в Комитете обороны в восемнадцать тридцать.

ГОРЛОВ. Одного?

ГАЙДАР. Да.

ГОРЛОВ. Что же, вылетай завтра.

ГАЙДАР. Поговорить бы надо. Я пойду собираться, а ты через часок под'езжай.

ГОРЛОВ. Хорошо, как гости разойдутся. Буду.

ГАЙДАР (к Мирону). Будьте здоровы. Буду рад, если застану вас еще здесь.

МИРОН. В Москве встретимся. Я в Комитете обороны буду. Счастливой дороги.

ГАЙДАР. Спасибо. (Уходит. Его провожает Горлов).

(После паузы выходят гости с бокалами, среди военных — штатские, впереди — генерал-майор Хрипун).

ХРИПУН. А где же командующий? За него такой тост предстоит...

МИРОН. Сейчас будет.

ХРИПУН. Предлагаю выпить за брата нашего дорогого командующего. Ваш брат блестящий полководец. Я бы сказал, гениальный. Любимец армии. И мы уверены, что вы его достойны. Ваше здоровье.

МИРОН (улыбается). Что вы, что вы. Я человек очень незаметный.

(Входит командующий)

ХРИПУН. Товарищ командующий, наш знаменитый любимец публики, заслуженный артист товарищ Грустный хочет сказать несколько слов и на прощанье спеть нашу любимую песню. Про-

шу, товарищ Грустный. (Передает ему гитару).

ГОРЛОВ. Вы лучше спойте, говорить не надо.

ГРУСТНЫЙ. Позвольте, полминуты. Я так радостно взволнован. Все эти три месяца, которые я провожу здесь, среди вас, на передовой линии фронта, меня так потрясли, закалили, наполнили величайшими чувствами, святыми чувствами любви и ненависти...

МИРОН. Слушайте, Грустный, вы лучше спойте, а то надорвете голос речью...

ГОЛОСА: Спойте... спойте... Не надо говорить...

(Вперед выскочил со стаканом в руке председатель горисполкома товарищ Местный).

МЕСТНЫЙ. Позвольте, позвольте. Я, как мэр города, протестую и интеллигенцию зажимать не позволю. Артист Грустный, продолжай речу.

ГРУСТНЫЙ (вытирает глаза платком). Хорошо. Свое волнение, свои мысли я отражу в песне. (Садится на стул, играет на гитаре, потом поет: «Отвори потихоньку калитку...»).

(Когда Грустный окончил петь, все аплодируют, голоса: «Браво», «браво». Он кланяется).

МЕСТНЫЙ. Здорово оторвал. Здорово, артист. А теперь давай лезгинку. Эх... (Хочет танцовать).

ГОРЛОВ. Стоп, стоп. Обожди, мэр. Я должен извиниться перед вами, дорогие гости. Меня ждет работа.

МЕСТНЫЙ. Мы тоже идем работать. До утра работать буду. Все силы отдам для фронта. Разрешите нашему великому командующему, который не пустил фашистов в наш город, нашему стратегу и спасителю наше боевое штатское «ура». (Гости в штатском дружно крикнули «ура», подбежали, жмут руку Горлову. Местный лезет целоваться).

ГОРЛОВ. Спасибо, товарищи штатские. Спасибо и вам, мои боевые друзья, за все теплые чувства. Но, по прямоте своего характера, должен отметить: первое—неправильно, как многие сегодня говорили, что целый ряд больших, я бы сказал, исторических, побед вверенного мне фронта зависит только от меня, как от командующего. Это неверно.

МЕСТНЫЙ (орет). Не согласен, неправильно, неправильно!

ГОРЛОВ. А ты, товарищ Местный, помолчи. Победы нашего фронта зависят и от доблести наших бойцов.

МЕСТНЫЙ. Правильно, правильно, правильно.

ГОРЛОВ. И второе, с чем я не согласен. Вы тоже много говорили, что я полководец, блестящий, великий, даже гениальный. А я ведь человек простой и скромный. Я начал воевать, окончив «университет»—три группы на селе. И больше никаких университетов не проходил. Воевать учился не в академиях, а в бою. Я не теоретик, а старый боевой конь. За границей один обозреватель недавно по моему адресу сказал следующее: «Командующий Горлов не укладывается в рамки обычного представления». Эти буржуазные спецы никак не могут понять, как Горлов, человек от земли, с земляным нутром, не академик и не теоретик, а бьет хваленых немецких генералов, и теоретиков, и академиков. (Смеется).

(Аплодируют. Голоса: «Браво»).

МЕСТНЫЙ. Бьет Горлов и будет бить, потому душа у нас такая...

(Аплодисменты).

ГОРЛОВ. Вот, вот, товарищ Местный,

Правильно. Все дело в душе. А душа нашего человека простая, бесхитростная. Не тронь меня, тебя не трону, но если тронул—держись. Главное у полководца—в душе. Если она смелая, храбрая, напористая, тогда никто не страшен, а этого у нас хоть отбавляй. Правильно говорю? (Голоса: «Правильно», «правильно». Аплодисменты). Я не привык сидеть долго в кабинете и ломать голову над картами. Война не академия. Главное—ищи врага, бей его там, где обнаружил. Действуй без рассуждений. Правильно говорю? (Голоса: «Правильно», аплодисменты). К сожалению, некоторые мои генералы этой простой истины до сих пор не уразумели. Есть у меня книжные стратеги, все о военной культуре болтают. Приходится им крепко мозги вправлять.

МИРОН. И очень плохо делаешь. Много еще у нас некультурных командиров, не понимающих современной войны, и в этом наша беда. Войну нельзя выиграть одной лишь храбростью. Чтобы выиграть войну, кроме храбрость нужно еще умение воевать, умение воевать по-современному, нужно научиться воевать по-совре-

менному. Опыт гражданской войны для этого недостаточен.

ГОРЛОВ. Вот видите, и брат мой о культуре заговорил. А я вас спрашиваю, о какой культуре можно говорить на войне, если сама-то война—дело совсем некультурное? Наше ремесло самое грубое, и в культурных, белых перчатках ничего не сделаешь. Еще раз благодарю вас, товарищи, за теплые чувства. Идите отдыхать, а нам, солдатам,—работать. Так, товарищ генерал?

ХРИПУН. Так точно, товарищ командующий.

МЕСТНЫЙ. Допьем, товарищи, и тоже пойдем работать. Допьем и отдадим все силы фронту. (Наливает в стакан, пьет).

ГРУСТНЫЙ. Разрешите ваш автограф. (Подает блокнот).

ГОРЛОВ. Можно. (Расписался).

ГРУСТНЫЙ. Спасибо. Это мой самый счастливый день. До свиданья.

ВСЕ. До свиданья, до свиданья.

(Выходят, слышны из коридора голоса: «какой человек», «умница», «полководец». Голос Местного: «спаситель нашего города»...)

МИРОН (закрыл дверь). Фу... Наконец

ГОРЛОВ. Хорошие ребята. А?

(Мирон молчит).

ГОРЛОВ. Чего задумался?

МИРОН. Я думаю,господи, когда, наконец, переведутся на нашей земле дураки, невежды, подхалимы, простофили, подлизы...

ГОРЛОВ. Ты опять свое, ну, что ж, думай, думай. Индюк думал вот так же и сдох. (Захохотал, ушел в другую комнату).

МИРОН. Верно. Думать поздно. Надо бить их, этих самовлюбленных невежд, бить в кровь, вдребезги и поскорее заменить их другими, новыми, молодыми, талантливыми людьми. Иначе можно загубить наше великое дело.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Штаб Огнева. Большая комната, видны следы погрома. В углу—куча растрепанных книг. У стола, около телефонов стоит ад'ютант, смотрит в окно. Входит Колос.

КОЛОС. Опять начало с неба сыпать.

АД'ЮТАНТ. Пора бы перестать.

КОЛОС. Чтоб самолеты на моих коней набросились, ах, ты, изверг.

АД'ЮТАНТ. Виноват, товарищ генерал-майор.

КОЛОС. Где командующий?

АД'ЮТАНТ. Вон, на площади.

КОЛОС (смотрит в окно). Что там за толпа?

АД'ЮТАНТ. Трупы свезли, сейчас хоронить будут.

КОЛОС. Бойцов?

АД'ЮТАНТ. Жителей, расстреляли немцы. Командующий осматривает трупы, отца ищет.

КОЛОС. Да, старик-то у него здесь остался.

АД'ЮТАНТ. Здесь он и жил.

КОЛОС (поднял книги, смотрит). Все по географии.

АД'ЮТАНТ. Учителем был. Позавчера немцы шестьдесят человек расстреляли за местечком, видно, очень издевались: у многих лица штыком разворочены, его тоже вели в этой группе, местные видели. Говорят, первым шел, босой, без шапки. И все пели.

КОЛОС. Ну?

АД'ЮТАНТ. Командующий вам расскажет. У всех обувь сняли.

КОЛОС. Шкуры с немцев сдерем...

(Входит Огнев, молча сел за стол, склонил на руку голову).

ОГНЕВ (тихо). Григорий... Григорий...

КОЛОС. Что, Володя...

ОГНЕВ. Не узнал... не узнал родного отца. Всех искалечили звери. Искалечили так... страшно смотреть. Постреляны, посечены, глаза повырваны. Лежат старики, а шли и пели, «Смело, товарищи, в ногу» пели... За это их зверье...

КОЛОС. Успокойся, Володя. Что же делать...

ОГНЕВ. У этого окна всегда до поздней ночи сидел он, старенький, в очках; покашливая, проверял тетрадки учеников... Сорок лет учил детей географии... Все годы мечтал поехать на Памир. Я обещал ему... (Пауза). Он говорил всем: дальше немцы не пойдут, здесь близко сын, он не пустит их в родное местечко, в дом, где родился. Он ждал меня, милый старик... Ты не знал, как сыну было тяжело... ты не верил. Да, ты имел право не верить, ты ждал от меня другого...

(С площади тихо понеслись звуки траурного марша. Огнев встал, смотрит в окно. Встал Колос).

Зарывают землей... Прощай... прощай... Они узнают тебя, старый учитель. Узнают в сыне, клянусь над твоей могилой: сквозь землю ты услышишь мою месть. Ты простишь меня, мой добрый, милый старик...

КОЛОС. Володя (обнял его, прижал к груди. Сильнее нарастают звуки траурного марша, раздаются прощальные залпы. Вошел ад'ютант).

АД'ЮТАНТ. Товарищ командующий, прибыл майор из штаба фронта.

КОЛОС. Пусть подождет немного.

ОГНЕВ. Нет, не надо, зови. (Сел за стол, ад'ютант вышел, входит майор).

МАЙОР. Из штаба фронта майор Гусаков.

ОГНЕВ. Садитесь. С чем приехали?

МАЙОР. Вам пакет, товарищ командующий. (Подал. Огнев распечатал, читает).

КОЛОС. Замерзли?

МАЙОР. Мне было жарко и очень.

ОГНЕВ. За предупреждение благодарю начальника штаба фронта, но об этом я говорил еще до начала операции. (Передает пакет Колосу, тот читает).

КОЛОС. Предупреждали, не верил, а теперь задним числом решил отписаться. Хорошо, что сейчас дошло.

ОГНЕВ. Вы лучше скажите, связь с танковым корпусом уже есть?

МАЙОР. Кажется, нет, точно не знаю.

ОГНЕВ. Где он вчера был?

МАЙОР. Не ориентирован.

ОГНЕВ. Почему наш сосед, генерал Орлов, спит? Немцы коридор наш уже простреливают.

МАЙОР. Что простреливают, я в этом убедился. А почему они спят, не могу знать.

ОГНЕВ. Какого же чорта вы приехали, товарищ Немогузнать? Вы—офицер штаба или посыльный?

МАЙОР. Мое дело передать вам пакет и назад...

ОГНЕВ (перебивает). Передать, и чорт с вами. Скорей дайте поесть, заправьте машину, нам срочно возвращаться. Так?

МАЙОР. Я еще хочу сообщить неприятную вещь. К вам я насилу проскочил. Ваш узенький коридорчик уже не существует. Меня обстреляли из минометов, чуть не погиб. Я не понимаю, куда вы смотрите. Вы теперь отрезаны, вы окружены.

ОГНЕВ. Что?

МАЙОР. Да, да, это факт.

ОГНЕВ. Встаньте. (Майор встал. Огнев смотрит на него с презрением). Пойдите в домик напротив, к моему коменданту и скажите, что я приказал вас арестовать.

МАЙОР. Я представитель штаба фронта.

ОГНЕВ. Молчать! Исполняйте приказание!

МАЙОР. Слушаюсь, слушаюсь, товарищ командующий. (Вышел).

КОЛОС. А я думал, ты его сейчас стукнешь. Вот трусливая шкура.

ОГНЕВ. Жаль, что он из штаба фронта, а то я б его от слова «окружение» отучил навеки.

(Входит капитан, начальник связи).

КАПИТАН. Товарищ командующий, шифровка.

ОГНЕВ (взял, читает, передал Колосу). Как связь?

КАПИТАН. Мешают разряды, и немцы подняли тарарам в эфире, но держим.

ОГНЕВ (к Колосу). Как тебе это нравится?

КОЛОС. Ничего не понимаю.

КАПИТАН. Разрешите быть свободным?

ОГНЕВ. Идите.

(Капитан вышел).

КОЛОС. Командующий фронтом или ничего не понял, или не хочет понять. Закрепляться здесь и ждать, а чего ждать?

ОГНЕВ. Покуда немцы не подтянут все, что могут, а потом скажет: что же это вы, голубчики, влипли, сколько я вам мозги вправлял? Куда смотрели? Что же прикажете теперь головы вам отрывать?

КОЛОС. Непременно. Чтоб его черти взяли, старый бык. И откуда у него все это взялось?

ОГНЕВ. А все недалекие люди такие. Добравшись до власти, любуются собой и любят только «поучать» и ругать. И обязательно всем хотят дубиной мозги вправлять. (Телефон. Взял трубку). Да... А вы где находитесь? Заходите.

КОЛОС. Кто?

ОГНЕВ. Мой начпоарма Орлик. Вот дьявол, вчера его чуть не угробили. Осколками руку поранило. Лезет всегда в самое пекло.

КОЛОС. А я думал, он у тебя философ.

ОГНЕВ. Грамотный, а был когда-то по-

литруком, на двух языках говорит. Я его так профессором и называю.

КОЛОС. И так характер крепкий...

ОГНЕВ. Ого, ты не смотри, что худенький и в очках, кости может поломать любому.

КОЛОС. А у меня комиссар Онуфрий Стратегов, здоровый, здоровый, насилу лошадь ему нашел, чтоб выдержала, но насчет грамоты не больно. Правда, ездит на коне хорошо, отлично ездит, любит коня.

ОГНЕВ (смеется). Фамилия-то чего стоит, Стратегов. И где ты его вырвал?

КОЛОС. Прислали. Я его называю Онуфрий Копыто. Это ему больше подходит.

ОГНЕВ. И не обижается?

КОЛОС. Нет, он же понимает...

(Входит начпоарма Орлик, рука у него перевязана).

ОГНЕВ. Я на вас в обиде. Зачем вы в бой с третьим батальоном пошли? Не к лицу начпоарма, очертя голову...

ОРЛИК. Из дивизии сообщили, что в третьем батальоне агентура врага подняла голову, начались нехорошие разговоры.

ОГНЕВ. Кто же это там орудует? Нашли?

ОРЛИК. Да, политрук был там очень бдительный товарищ, сверхбдительный, все обнаружил сразу и доложил по начальству. Ко мне пришло уже целое дело. Орудовали там два человека и, представьте, оба награжденные орденами.

ОГНЕВ. Что такое? Какие разговоры вели?

ОРЛИК. Очень опасные (смеется). Подумайте, они говорили, что командир батальона—настоящий барин и политрук тоже, завели себе повара, жрут за пятерых, а кухня для бойцов работает ни к чорту. Бойцы побили морду повару, за то, что всегда варит бурду.

(Огнев записывает).

Не записывайте. Я в батальоне поднял такой тарарам, запомнят надолго. И политрук, и командир.

ОГНЕВ. Вот сволочи. Вы приказ подготовьте, я подпишу. Коротко, но ярко изложите этот факт, а потом запрещаю всем командирам принимать до тех пор пищу, покуда бойцы не приняли.

ОРЛИК. Очень хорошо. Сегодня же сделаю.

КОЛОС. А все-таки расскажите, как в бой вы попали? Как руку поцарапало?

ОРЛИК (смеется). Немцы узнали, что провожу столь важную беседу, и пошли в наступление.

КОЛОС. Ну?

ОРЛИК. Не мог же я сказать бойцам: вы, товарищи, здесь подеритесь малость, когда кончите, я приду продолжать беседу.

КОЛОС. И что же? Вы в атаку—«за родину, ура»...

ОРЛИК. Куда мне, там у командира голос, как труба иерихонская. Я к минометчикам пошел. Спасибо разрешили пострелять. Мои мины неплохо ложились. Правда, командир батареи не выдержал, сгоряча матом меня покрыл за то, что медленно стреляю. Я сразу и бросил. Уступил место минометчику.

ОГНЕВ. Вот молодец. (Кашлянул).

ОРЛИК. Ничего, ничего. Он, конечно, был прав. Что, от командующего фронтом есть ответ?

ОГНЕВ. (Подошел к двери, ад'ютанту). Скажи начальнику штаба, чтоб зашел.

(Слышно: «Есть»).

Вот. (Подает. Орлик читает).

КОЛОС. Поняли?

ОРЛИК. Вероятно, танковый корпус идет к нам.

ОГНЕВ. О нем забудьте, его фронт ищет и найти не может.

ОРЛИК. Почему?

КОЛОС. А вы не знаете, какая у нас связь. Меня-то дважды хоронили, об'явили убитым.

ОРЛИК. Ну, вы тоже виноваты.

КОЛОС. Как? У меня одну станцию разбомбили, а другая испортилась, а должен я иметь не две, а двадцать две.

ОРЛИК. А теперь сколько у вас?

КОЛОС. Хватит. Хрипуна за горло взял, нашли. У нас все так, ничего не дадут, хотя склады полные трещат. Все ждут, чтоб за горло взяли, да покрепче, да чтоб глаза на лоб вылезли, тогда дают и еще хвалят. Как купцы когда-то, умереть можешь перед ним, и не посмотрит, а как за бороду удалось схватить, сразу мошну откроет, в ноги кланяется и благодарит.

(Входят начальник штаба и комдив гвардии полковник Свечка).

НАЧ. ШТАБА. Я к вам с товарищем Свечкой. Обстановка усложняется. Докладывайте, комдив.

ОГНЕВ. Вернулись лыжники?

СВЕЧКА. Так точно. Ваше задание выполнено.

ОГНЕВ. Молодцы, быстро обернулись, докладывайте.

СВЕЧКА (вынул карту). Вот здесь, в совхозе «Коммунар». Это от нас будет...

ОГНЕВ. Пятьдесят три километра.

СВЕЧКА. Обнаружено скопление танков, насчитали сто пятьдесят машин.

ОГНЕВ. Сейчас (отмечает у себя на карте). Дальше.

СВЕЧКА. Восточнее совхоза «Коммунар», в село Синицыно утром прибыла дивизия СС и двести танков. Туда идет еще одна колонна, до двух полков. Это разведчикам сообщили партизаны. Двое из них прибыли.

НАЧ. ШТАБА. Я говорил с ними.

ОГНЕВ. Большой отряд?

НАЧ. ШТАБА. Пятьдесят человек.

ОГНЕВ. Местные?

НАЧ. ШТАБА. Так точно.

ОГНЕВ. Дороги знают?

НАЧ. ШТАБА. Очень хорошо. Дали очень важные сведения. Оказывается, немцы от реки до станции Колокол проложили новую дорогу. (Показывает на своей карте). Вот она. Согнали население и строили день и ночь. Больше трех

тысяч человек погибли от морозов и расстрелов на этой дороге.

ОГНЕВ. Она от нас в тридцати километрах.

НАЧ. ШТАБА. Так точно. Построены крепкие мосты, и по ней нет движения. Вероятно, чтобы наша авиаразведка не обнаружила.

ОГНЕВ. Вот это да. Дальше.

СВЕЧКА. У меня все, товарищ командующий. Части противника разведка обнаружила в одиннадцать двадцать здесь и в двенадцать в совхозе «Коммунар». Все.

НАЧ. ШТАБА. Комдив Яковенко только что сообщил, что установлено разведкой передвижение противника к нашему коридору из Колокола.

ОГНЕВ. Сколько?

НАЧ. ШТАБА. Дивизия и до семидесяти танков.

ОГНЕВ. В каком пункте?

НАЧ. ШТАБА. Здесь были. (Показывает). В пятнадцать сорок.

ОГНЕВ. А сейчас шестнадцать.

НАЧ. ШТАБА. Так точно. Вот все.

ОГНЕВ (к Свечке). Как у вас сейчас за хутором?

СВЕЧКА. Тихо. Противник очень слабый. Если прикажете, я пройду до самой реки.

ОГНЕВ. Нет, батенька, они этого и хотят. Вы и так оторвались. А к вечеру танки к вам могут пожаловать, а позиция у вас никудышняя. Приказываю немедленно вернуться сюда, в местечко, нам теперь всем надо быть в кулаке. Отход прикройте артиллерией и авиацией как следует, чтоб хвост вам не испортили. В девятнадцать рапортуйте об исполнении приказания. Исполняйте!

СВЕЧКА. Слушаюсь, товарищ командующий. Но за три часа трудно будет перебросить дивизию, учтите расстояние, километров будет...

ОГНЕВ (перебивает). Что вы мне километрами считаете, когда надо считать секундами. Рапортуйте не в девятнадцать, а в восемнадцать тридцать, а если еще полминуты постоите передо мною, то будете рапортовать...

СВЕЧКА. Есть, рапортовать в восемнадцать тридцать. (Выбежал из комнаты).

ОГНЕВ (смотрит на карту, измеряет циркулем, записывает). Хорошо... узнаю вашу походку... Ух, и канальи, эти немцы...

НАЧ. ШТАБА. Хитро задумали.

ОГНЕВ. Кто?

НАЧ. ШТАБА. Немецкое командование. Смотрите, как они движутся, очень хитро.

ОГНЕВ. Какая же это хитрость? Это же детский лепет, а не хитрость. Если бы немецкое командование сделало такую ошибку, как наш командующий фронтом, то я еще позавчера уничтожил бы втрое больше сил, чем наши. Ничего хитрого они не придумали. Наоборот, плохо пользуются нашей глупостью, очень плохо. Чего стоит теперь стратегия Горлова? Танковый корпус застрял где-то на этих старых дорогах, а немцы новую построили, о которой никто понятия не имел. Танков, говорил, нет, а они есть и мчатся нахально на нас вместе с пехотой. Закрыли дерьмом наш коридор, пользуясь случаем, что Орлов спит. Теперь, небось, репетируют, как нам завтра утром погромче крикнуть: «Рус, сдавайся, вы окружены». Но мы им ответим (смотрит на карту. Пауза). Не ходи ты под окном, не стучи подборами, а катись к чорту...

КОЛОС. Не очень-то ответишь.

ОГНЕВ. Обязательно так ответим.

(Отмечает на карте, записывает). Правда, Орлик?

ОРЛИК. Должны, товарищ командующий, обязательно должны.

ОГНЕВ. За здоровый и разумный оптимизм я и люблю вас, товарищ профессор. Смотрите, друзья. Гарнизон-то они из Колокола вывели, чтобы нас изловить, часть танков пустили на нас, а часть возится с нашим танковым корпусом где-то далеко на дорогах. Теперь все дело, как говорил славный старик Суворов, в ножках, в ножках, в быстрых переходах, прыгнуть там, где никак не ждут нас немцы. Мы оставляем в местечке два полка, все пушечки, что потяжелее, четыре эскадрона конницы для виду. Пожалуйте, немцы, армия стоит и ждет ваших клещей. Вас, профессор, с гвардейцами попросим: продержитесь на этом удобном горбике одни лишь суточки, а остальные вместе с твоими лошадками, как только стемнеет, сюда вылезем, на эту новую дорожку и рванем, что духу хватит, прямо в задние ворота Колокола. Когда же займем, ихним таночкам придется обратно двигаться быстренько, но уже поздно. Склады с бензином, снарядами, питанием всех родов — в наших

руках. И будем мы колоть их у собственных укреплений. Прошу посмотреть и раскритиковать. (Пауза). Ну, что, старик, приуныл?

КОЛОС (смотрит на карту). Товарищ командующий, очень уж рискованно. Дай подумать.

ОГНЕВ. В голове нашей колонны пойдут два эскадрона отчаянных рубак. Посты снимать без шума. Чтоб было совсем деликатно, оденем их в немецкую форму, благо пленных нахватали немало.

ОРЛИК. Переодевать в немецкую форму не к лицу нам, ведь это немцы делают, переодеваются в нашу форму, уж очень метод этот нечестный.

ОГНЕВ. А мне кажется, глупо мы делаем, что так честно воюем с самым бесчестным врагом. Он нас обманывает, а мы не отвечаем. Суворов учил военной хитрости, а некоторые наши доморощенные военные забыли об этом. На хитрость нужно отвечать хитростью.

КОЛОС (оторвавшись от карты, к начальнику штаба). Как вы считаете?

НАЧ. ШТАБА. Другого выхода нет.

ОГНЕВ. Э, вы это бросьте. Я предлагаю осуществить эту операцию не потому, что другого выхода нет.

НАЧ. ШТАБА. Я неверно выразился. Это лучшее, что можно сейчас придумать.

КОЛОС. Но очень рискованно, если они разгадают наш ход.

ОГНЕВ. Поэтому никому не об'являть, куда идем. Сейчас самый страшный для нас враг — шпион или болтун. А они есть кругом и даже в нашей армии.

КОЛОС. Ну?

ОГНЕВ. Обязательно есть. Немцы отчаянные жулики в этом деле.

НАЧ. ШТАБА. Надо запросить шифровкой командующего фронтом.

ОГНЕВ. Нет.

КОЛОС. Почему?

ОГНЕВ. Начнет мне «мозги вправлять», упустим время.

ОРЛИК. Неудобно так, товарищ командующий.

ОГНЕВ. Знаю, но я скоро сойду с ума от этих «неудобств». Довольно! Втравил нас Горлов в это дело. Давайте с честью выпутаемся сами, это и для него будет лучше. Пишите приказ, товарищ начальник штаба. Первое...

(Входит капитан, начальник связи).

КАПИТАН. Шифровка от командующего фронтом. (Подал).

ОГНЕВ (читает, бросил на стол, затрещал карандаш в его руке, переломанный упал на стол. Подошел Орлик, читает молча. Огнев быстро вышел из-за стола, стал у дверей, смотрит на Колоса. Крикнул). Ну, что скажешь? (Колос молчит). Что скажете? (Пауза). Да говорите. (Вырвал шифровку из рук нач. штаба). Что это такое?

КОЛОС. Предложение командующего фронтом немедленно отступить на исходную позицию. Правда, он спрашивает, нет ли у тебя возражений, но это для виду. Через час предложение станет приказом.

ОГНЕВ. Я не об этом спрашиваю, читать умею.

КОЛОС. Приказ есть приказ, и надо пробиваться назад.

ОГНЕВ. Это конечно. Но, во-первых, это еще не приказ, а предложение. Во-вторых, он неправилен по существу и гибелен. Пробиваться? Зачем? Где танковый корпус? Он, говорит, потрепан, помочь не сможет. Неправда, танковый корпус погиб. А теперь выходит, что будет потрепана и моя армия.

КОЛОС. Пробиться сможем.

НАЧ. ШТАБА. Командующий фронтом хочет выправить положение и решил, что лучший выход—отступить.

ОГНЕВ. К чорту в зубы! Уже воронье слетается. Он послал нас вперед, не вышло, теперь иди назад, чего бы это ни стоило. А больше разве нет путей? Взломал я оборону немцев кровью бойцов не для того, чтобы пробиваться назад, обратно. Моя армия будет жить, драться и побеждать. Она может и сделает это.

(Входит капитан).

КАПИТАН. Шифровка от члена Военного Совета фронта Гайдара из Москвы (подал).

ОГНЕВ (читает, весь преображается от радости). Вот это здорово. Значит есть правда на земле. Москва разрешает нам действовать по нашему плану, то есть наступать, вопреки плану командующего фронтом.

КОЛОС. Да ну?

ОГНЕВ. Вот тебе и «да ну». Я попросил товарища Гайдара доложить в Москве кому следует наряду с планом командующего фронтом и о нашем плане. Теперь товарищ Гайдар сообщает, что Москва одобряет наш план, о чем уже

доведено до сведения командующего фронтом.

КОЛОС (радостно). Вот это хорошо! Ну, давайте теперь действовать, крошить немцев, да так, чтобы небу жарко стало.

ОГНЕВ. Правильно, старик.

Занавес.

Картина четвертая

У дороги окоп. Справа недалеко видны село, белые кроны деревьев, изредка избы, а больше—черные развалины, над которыми торчат трубы. Вблизи окопа на дороге столб с прибитой к нему доской-указателем на немецком языке. С другой стороны села слышны канонада и далекий треск пулеметов. В окопе сидят сержант Остапенко, сержант Башлыков и младшие сержанты Шаяметов, Гомелаури. На окопах лежат противотанковые ружья.

ГОМЕЛАУРИ. Ох, и мороз сегодня. Тридцать пять есть?

ОСТАПЕНКО. Может, и есть.

ШАЯМЕТОВ. Мороз ничего, сквозняк—плохо. Дует, как у нас в казахской степи.

БАШЛЫКОВ. А у нас в Сибири такие морозы...

ОСТАПЕНКО. А у нас в Полтаве галушки.

БАШЛЫКОВ. А ты не перебивай, Остапенко.

ОСТАПЕНКО. А ты не хвастай сибирскими морозами, когда здесь кишки до пупа примерзают. Расскажи, Гомелаури, как у вас сейчас в Грузии.

ГОМЕЛАУРИ. Ой, не вспоминай. (Слушает канонаду). Там дело, а мы чего здесь сидим?

ШАЯМЕТОВ. Приказ. Командир знает.

ОСТАПЕНКО. Растолкуйте, хлопцы, зачем в наших газетах пишут, что зима нам помогает, а чем злее мороз, то немцам хуже...

ГОМЕЛАУРИ. Правильно пишут.

ОСТАПЕНКО. Що правильно? Хриц сидит в хате, в стене дырку сделал и паляет, а мы ползем по снегу.

БАШЛЫКОВ. А когда из села выбиваем? Он мерзнет.

ОСТАПЕНКО. Чего ж он мерзнет? Когда мы его из села выбили, бежит в другое село. А тот, кто драпает, тому повсегда жарко.

ГОМЕЛАУРИ. Но ты же видел, сколько на них вшей. Ух! Я смотреть не могу. Аж тут крутит. На каждом немце сотни.

ОСТАПЕНКО. Это не от мороза.

ГОМЕЛАУРИ. А от чего?

ОСТАПЕНКО. От грусти.

БАШЛЫКОВ. Ну?

ШАЯМЕТОВ. Не понимал.

ОСТАПЕНКО. Был у нас на селе когда-то кулак, сильный куркуль, Макогоненком звали. Всегда ходил чистый, пузо вперед, борода черная, расчесанная, как шелк, аж горит на солнце. А когда услыхал он, что идет линия на коллективизацию и дело его табак, так его сильно грусть ударила. Встретил его. Смотрю, борода совсем поседела. Спрашиваю: дядько Макогоненко, что это у вас борода поседела? Он отвечает: это, хлопец, у меня кузка в бороде завелась. А чего же ее не выгоните? А он: пущай живет. Грусть у меня в сердце, хлопец, такая грусть, что скоро помру. Так и с Хрицем. Хотел он нас завоевать до осени, не вышло. Дожди пошли. Хриц в болото влез. И начала его грусть разбирать. А как зима пришла, грусть его еще больше ударила. И ходит он теперь, как

куркуль Макогоненко. И не скидает с себя вошь, потому—видит дело его габак. От грусти все это.

БАШЛЫКОВ. По местам. (Все залегли. Зашумела машина. Входят командир дивизии полковник Свечка и майор командир полка Ясный).

ЯСНЫЙ. Батарее придан пулеметный взвод, гранатами все снабжены как следует.

СВЕЧКА. Хорошо.

ЯСНЫЙ. Не могу понять, товарищ комдив, почему отходим?

СВЕЧКА. Мы вырвались далеко, командующий решил собрать всех в кулак.

ЯСНЫЙ. Понятно. (Крикнул). Горлов! (Слышно: «Есть!» Входит командир батареи Сергей Горлов).

СЕРГЕЙ. Командир батареи гвардии лейтенант Горлов.

СВЕЧКА. Здоров. (Подал руку). Отца видел?

СЕРГЕЙ. Так точно. Просил передать вам привет.

СВЕЧКА. Спасибо. Как выглядит генерал-лейтенант? Здоров?

СЕРГЕЙ. Так точно. Сказал: передай гвардии полковнику Свечке, что скоро

приеду в гости повидать старого друга.

СВЕЧКА. Хорошо, что не забывает. А вот насчет приезда, так покуда дорога к нам неважная. (Смеется). Твоя батарея, Горлов, остается здесь. Должен предупредить: по этой дороге не только танк, но ни одна мышь чтобы не пролезла. Понял?

СЕРГЕЙ. Так точно.

СВЕЧКА. Что бы ни случилось, до приказа остаетесь на месте. Даже, если...

СЕРГЕЙ. Будет исполнено.

СВЕЧКА. Гвардии лейтенант Горлов, желаю успеха.

СЕРГЕЙ. Благодарю, товарищ гвардии полковник.

(Свечка пошел).

ЯСНЫЙ (тихо). Сережа...

СЕРГЕЙ. Не беспокойтесь, Петр Петрович, вас ждут.

(Ясный ушел. Сергей подошел к окопам).

СЕРГЕЙ. Ну как, апостолы? Жарко?

ОСТАПЕНКО. Так точно, товарищ гвардии лейтенант. Вспотели. От жары жажда мучит.

СЕРГЕЙ. Тебя, Остапенко, всю жизнь жажда мучит.

ОСТАПЕНКО. Но сегодня, как никогда. Выручайте, в жизни не забуду.

СЕРГЕЙ. Вот чорт. (Отстегнул баклагу). На, только всем поровну.

ОСТАПЕНКО. Благодарствуем. (Достал из кармана стопку, налил). Ваше здоровье.

СЕРГЕЙ. Дуй, дуй.

ОСТАПЕНКО (выпил). Вроде чаї.

СЕРГЕЙ. Ох, ты, чорт. Это же чистый спирт.

ОСТАПЕНКО. Ну? Сейчас проверим. (Наливает).

ГОМЕЛАУРИ. Стой, стой. (Забрал чарку). Я проверю.

ОСТАПЕНКО. И що ты в этом понимаешь? Привык кислятину хлебать.

ГОМЕЛАУРИ. Не беспокойся. (Поднял чарку). Здесь, среди снегов, в окопе, я поднимаю этот маленький бокал с большим чувством за встречу после войны в нашей солнечной Кахетии. Моя мать Верико, отец Бессо и жена Тамара примут вас, как родных своих. За встречу! (Пьет).

ОСТАПЕНКО. Но сначала прошу к нам на Полтавщину. Конечно, может, мою мать, батька, жинку Оксану и сына

немцы уже убили. (Пауза). Що ж, сам приму...

ШАЯМЕТОВ. Ничего, Остапенька, я к тебе приеду. Сам плов сделаю. Такой плов сделаем... Потом к нам в Казахстан...

СЕРГЕЙ. Давайте баклагу. (Взял). Очистили?

БАШЛЫКОВ. По-гвардейски.

СЕРГЕЙ. А теперь, апостолы, следите. По этой дороге ни одна немецкая сволочь не должна пройти.

ОСТАПЕНКО. Нас вроде предупреждать нет надобности, товарищ командир.

СЕРГЕЙ. Смотрите. Гомелаури, если еще без валенок будешь бегать... Я видел, как ты вчера босиком по снегу петлял.

ГОМЕЛАУРИ. Простите, товарищ командир. Не могу выдержать. Сердце у меня очень нервное. Что получилось? Танк мы подбили. Командир танка удирает. Патроны у нас вышли. Я так разозлился и говорю: товарищ старший сержант, разреши догнать. А Остапенко: не догонишь. Понимаете, это он говорит мне, грузину. Грузин не догонит? Конечно, сердце не выдержало. Сам не помню, как руки валенки сняли. Как ветер, бежал. Прыгнул на немца, упали

на снег. Он меня укусил за ухо, а я его за горло схватил. Кричал: не уйдешь. И окончательно задушил.

СЕРГЕЙ. Молодец. Но от Остапенко отходить не имеешь права. За одним побежишь, а танк прозеваешь.

ОСТАПЕНКО. Вы не беспокойтесь, теперь я его, чорта, привяжу до себя.

СЕРГЕЙ. Вечером, ежели тихо будет, ко мне чай пить.

ВСЕ. Спасибо, товарищ командир.

(Сергей уходит. Большая пауза).

ГОМЕЛАУРИ. Ты что задумался, Остапенко?

БАШЛЫКОВ. Не тронь его.

ШАЯМЕТОВ (тихо). Оксана думаешь, а? Скажи...

ОСТАПЕНКО. Да. Прочитай письмо, Гомелаури.

ГОМЕЛАУРИ. Какое?

ОСТАПЕНКО. Последнее, что на Новый год получил.

ГОМЕЛАУРИ. Я уже читал тебе.

ОСТАПЕНКО. Прочитай еще раз. Мне никто не напишет. Твое послушаю, на душе легче.

ШАЯМЕТОВ. Читай. Я тоже не получал совсем. Башлыков, ты наблюдай, а мы слушать будем. Ты письмо получал?

БАШЛЫКОВ. Тоже два за все время. (Отошел, наблюдает).

ОСТАПЕНКО. Давай.

ГОМЕЛАУРИ. (Достал письмо, читает быстро). «Мой дорогой, любимый Акакий, целую тебя крепко и сообщаю...»

ОСТАПЕНКО. Не спеши. Давай сначала.

ШАЯМЕТОВ. Пожалуйста, шагом читай.

ГОМЕЛАУРИ (медленно). «Мой дорогой, любимый Акакий...»

ШАЯМЕТОВ. Любимый...

ГОМЕЛАУРИ. «...целую тебя крепко и сообщаю: папа и мама здоровы, тебе кланяются, а сынок твой Гога...»

ОСТАПЕНКО. Сынок... (опустил на руку голову).

ГОМЕЛАУРИ. «...сейчас все время говорит: папа, папа пух, пух. Работы в колхозе много. Мы насилу успеваем. Почему не написал ни одного письма? Я каждую ночь тихо плачу...»

ОСТАПЕНКО. Каждую ночь...

ГОМЕЛАУРИ. «...Может, тебя поранили сильно? Еще сообщаю: бригадир наш оказался плохой человек. Как вы все ушли на фронт, он сразу стал мошенник, пьет со счетоводом. Оба мошен-

ники. Мы написали в газету, и счетовод уже арестован, а бригадир нет, выкрутился». Не выкрутится. После войны я его окончательно задушу.

ОСТАПЕНКО. Читай...

ГОМЕЛАУРИ. «Как я хочу тебя видеть. Ты мне каждую ночь снишься. Один раз даже с бородой приснился. Тетя Нина говорит, что это к болезни. Я так испугалась. Чтобы ты не простудился зимой, я тебе вяжу две пары шерстяных чулок и вышлю двадцать пятого сентября». Через пять дней должны притти. Одну пару тебе подарю, Остапенко.

ОСТАПЕНКО. Почему через пять?

ГОМЕЛАУРИ. Письмо она написала первого сентября, получил я его первого января. Двадцать пятого сентября опустит посылку, а сегодня двадцатое января. Выходит, через пять дней получу.

ШАЯМЕТОВ. Читай.

ГОМЕЛАУРИ. «Передай привет от меня, папы и мамы всем твоим товарищам. Мы просим—поскорее разбейте фашистов и все приезжайте к нам в гости. Вина у нас будет десять бочек. У тети Нины—пять. Целую тебя крепко, крепко я, Гога, папа, мама, тетя Нина и весь наш колхоз. Твоя Тамара. Написала

сентября первого тысяча девятьсот сорок первого года».

ШАЯМЕТОВ. Мне такое письмо получать. Не знаю, что бы сделал.

ОСТАПЕНКО. Да.

ГОМЕЛАУРИ. Сколько я ей написал, не получила. Письмо маленькое, груз небольшой, а не доходит.

ОСТАПЕНКО. Потому, бюрократы на почте.

ШАЯМЕТОВ. Давай напишем товарищу Сталину. Почему я ни одного письма от жена не получал?

ГОМЕЛАУРИ. Что по такому делу Сталину писать? У него столько забот.

ШАЯМЕТОВ. Тогда товарищ Молотов писать будем.

ОСТАПЕНКО. А у Молотова, думаешь, мало забот? У него столько дела со всеми державами — ого! Одних друзей сколько у нас теперь—и Англия, и Америка, и Польша, не меньше двадцати государств. Только с одними друзьями совладать что стоит. С каждым договор, а договор требует большого досмотра. Попробуй втолковать им, чтобы скорее на Гитлера наступали. Чахотку достать можно, а это факт.

ШАЯМЕТОВ. Кому ж писать?

ГОМЕЛАУРИ. Калинину.

ОСТАПЕНКО. Нельзя, он болен. От орденов у него болезнь сильная пошла.

ШАЯМЕТОВ. Почему?

ОСТАПЕНКО. Слух такой из Москвы пошел, награждать-то ему каждый день приходится, по двести, а то и по триста человек, все руку ему жмут от радости крепко, вот и заболел. Рука вспухла. Каторжное дело.

ШАЯМЕТОВ. Так кому ж писать будем?

ГОМЕЛАУРИ. Давай коллективно напишем начальнику почты. Так напишем: Слушай, куда смотришь? У тебя бюрократы сидят. Просим тебя...

ОСТАПЕНКО. Нет. Не так. Чтоб дошло как следует, надо его сразу обложить, а потом вмотивировать и снова обложить, а в конце письма так: передай своим бюрократам, что день в окопах у нас такой, как и у вас. С приветом, поцелуйте, бюрократы, кой-куда нас... Так, чтоб культурно было и понятно.

(Все хохочут. Два бойца тянут провод, устанавливают телефон в окопе)

БАШЛЫКОВ. Что, ребята, лейтенант здесь будет?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Да.

БАШЛЫКОВ. А батарея там же?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Приказал выкатить на открытую позицию. Вон тянут.

ОСТАПЕНКО. Он такой, не любит из-за угла. Кухню не видал?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Нет. Все повыехали.

БАШЛЫКОВ. Как? Давно?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Вот сейчас. Нас только оставили.

ГОМЕЛАУРИ. Куда же двинули?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Вон туда. (Показывает).

БАШЛЫКОВ. Назад, выходит.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ага. А нас оставили. Ой, братцы, видно, помирать нам. На верную смерть оставили.

ОСТАПЕНКО. Гомелаури, дай ему в морду.

ГОМЕЛАУРИ. Лучше ты. У тебя рука тяжелая.

ОСТАПЕНКО. Смирно.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ты что ж?

(ОСТАПЕНКО. Схватил одной рукой за шиворот бойца, другой ударил. Входит лейтенант Сергей Горлов).

СЕРГЕЙ. Это что?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Он меня ударил.

ГОМЕЛАУРИ. Он трус, говорит: нас на верную смерть оставили.

СЕРГЕЙ. Нельзя бить. Об'ясни, расскажи. (К бойцу). Фамилия.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Печенка Степан.

ОСТАПЕНКО. Виноват, товарищ командир. Пойдем, дружок, я тебе все об'ясню. Пойдем. (Остапенко и Печенка ушли).

СЕРГЕЙ (взял телефон). Чекаленко... Чекаленко, ну, как? Снегу жалеешь. Отсюда вижу черную точку. (Вызывает дальше). Петрова... Петров, лево бугорка, видишь, где дерево. Ну, вот и хорошо... Да, да, можно. (Положил трубку). (Слышен издали голос Печенки: «Понятно, ой... понятно, ой... ой...».

Что там? Что он делает?

ГОМЕЛАУРИ. Остапенко об'ясняет текущий момент. Вы не беспокойтесь, товарищ командир.

(Выходит Остапенко, потом Печенка).

ОСТАПЕНКО. Товарищ командир, так что по душам поговорили, и он все понимает. Хороший парень. Это просто у него ошибка вышла.

СЕРГЕЙ. Так для чего нас оставили здесь?

ПЕЧЕНКА. Если фашисты появятся, мы должны их разгромить по-гвардейски.

ОСТАПЕНКО. Вот видите, молодец.

СЕРГЕЙ. А может, нас на гибель оставили?

ПЕЧЕНКА. Никак нет. Тот, кто дерется, тот не может погибнуть.

ОСТАПЕНКО. Вот видите... С него еще такой гвардеец будет. Ого!

СЕРГЕЙ. Посмотрим. Вольно. (Взял трубку телефона). Чекаленко... Чекаленко, еще немного снегу... Да, да...

(Печенка сел. К нему подошел Остапенко, достал кисет).

ОСТАПЕНКО. Закуривай, Печенка. Бери. (Тот взял). Это первое время страшновато, потом ничего. Может, поесть хочешь?

ПЕЧЕНКА. Да.

ОСТАПЕНКО. На. (Подает сверток). Здесь кусок колбасы. Ты на меня не серчай, я, браток, к тебе ничего не имею. Это все за идею, понял? Для науки. Меня отец не так бил. Ого! А я ему благодарен.

ПЕЧЕНКА. А ты на меня не серчаешь?

ОСТАПЕНКО. Раз ошибку признал, то нет.

ПЕЧЕНКА. Дай руку.

ОСТАПЕНКО (подал). Ну, вот. Теперь и мне легче. Думаешь, я не переживаю, когда не знаю, кто около меня в бою, друг или сволочь, что подведет. Тут, брат, надо всегда ориентир иметь... Ты молодой. Запомни это. И никогда глаз не спускай. Понял?

ПЕЧЕНКА. Понял.

СЕРГЕЙ (смотрит в бинокль). Передать на батарею—вижу справа, у мельницы, вражеские танки. Не стрелять до приказания.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Есть. (Взял телефон, передает. Все бросились по местам).

СЕРГЕЙ. Ну, апостолы, есть случай сделать чудо. Остапенко!

ОСТАПЕНКО. Есть. Остапенко.

СЕРГЕЙ. Выдвинуться влево, к дороге, ползком к телеграфному столбу.

ОСТАПЕНКО. Есть выдвинуться к телеграфному столбу. Гомелаури, вперед. (Поползли).

СЕРГЕЙ (смотрит в бинокль). Передать пулеметному взводу – на танках десант.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Есть. Пулеметному взводу — на танках десант. (Передает).

СЕРГЕЙ. Так. Ого. (Наблюдает).

БАШЛЫКОВ. Много их?

СЕРГЕЙ. Хватит.

ШАЯМЕТОВ. Теперь и я вижу. Раз, два, три...

БАШЛЫКОВ. Сколько?

ШАЯМЕТОВ (считает). Тридцать пять, тридцать шесть...

СЕРГЕЙ. Башлыков!

БАШЛЫКОВ. Есть. Башлыков.

СЕРГЕЙ. Прямо вперед на сто метров быстро ползком.

БАШЛЫКОВ. Есть. Шаяметов, вперед. (Поползли).

(Печенка готовит гранаты, кладет около себя, все достает и достает гранаты из мешка).

СЕРГЕЙ. Вот это верно. (Смеется). Да ты с собой целый склад носишь.

ПЕЧЕНКА. На всякий случай, товарищ командир.

СЕРГЕЙ. Смотри, Печенка, зорко, и не только вперед, но и вокруг.

ПЕЧЕНКА. Есть, товарищ командир. Уже вижу: к нам кто-то ползет.

СЕРГЕЙ. Это санитарка. Скорее, давай. (Снова смотрит в бинокль).

ПЕЧЕНКА. Давай, сестрица, давай... Санки тащит. Ну вот.

(В окоп вползает санитарка с санками).

САНИТАРКА. Фу, жарко.

СЕРГЕЙ. Маруся, ты чего сюда прилезла? А кто на батарее?

МАРУСЯ. Там Катя, а я здесь буду. Вдруг что случится.

СЕРГЕЙ (взял трубку). Петренко... Петренко, держи под рукой гранательные, автоматчики на танках. (Чуть слышен гул моторов).

МАРУСЯ. А много их...

ПЕЧЕНКА. Не бойся, сестрица, побьем.

МАРУСЯ. Сама знаю. Товарищ гвардии лейтенант Горлов завсегда побеждает. У него такие наводчики... Ты Васю Сокола знаешь?

ПЕЧЕНКА. Какой он?

МАРУСЯ. Такой... Глаза синие, синие. Брови черные, такие, как крылья. Ох... На всю гвардию такого нет... Катька, верно, к нему сейчас подсыпается. Но он на нее никакого внимания. Рыжая она и в веснушках. Мы с нею вместе служили. Я курьершей, а она уборщицей. Вместе и на фронт приехали. Ты видел ее?

ПЕЧЕНКА. Потише. Уж подходят.

МАРУСЯ. Да ну их, еще далеко. Вася сказал мне сегодня: Маруся, хоть сто танков давай, все могу. Я его поцеловала, а он: теперь и тыща не страшна. Во какой храбрый. Ужасть храбрый. Ты Катю не видел? Ну, и ничего не потерял. Вася мне вчера о ней так сказал... Знаешь, Маруся, Катя, конечно, неинтересная особа, но письма пишет красивые. А я ему и говорю: что ж, Вася, может, у нее письмовник есть... (Шум моторов совсем близко).

СЕРГЕЙ (в телефон). Батарея прямой наводкой по танкам беглый огонь.

МАРУСЯ. Ух, гады, прут. Вася, давай. (Слышен залп, потом частые выстрелы). Смотри, горит. Один, другой, третий. Это Вася Сокол. Это он. (Повернулась, посылает воздушный поцелуй. С обеих сторон бьют пулеметы).

СЕРГЕЙ (в телефон). Сильнее огонь. Сильней. Не зевать, дьяволы. Чекаленко, третий, шрапнелью. (Слышен близко танк).

ПЕЧЕНКА. На нас танки, товарищ командир.

СЕРГЕЙ. На место! (В телефон). Шрапнелью третий. Живей.

ПЕЧЕНКА. Стал. Горит. Второй стал..

СЕРГЕЙ. Молодец, Остапенко. (Слышен голос: санитара... санитара).

МАРУСЯ. Есть, родной. (Поползла с санками). (Другой голос: санитара... санитара...).

ПЕЧЕНКА. Девять подбили.

СЕРГЕЙ. Одиннадцать! (Свист мины). Маруся, ложись. (Близко взрыв).

ПЕЧЕНКА. Ой, убили ее.

СЕРГЕЙ (смотрит). Нет, ползет. (Слышен другой голос: санитара... санитара...).

ПЕЧЕНКА. Слева десять танков.

СЕРГЕЙ (в трубку). Справа от дороги десять, обходят. Чекаленко, по ним огонь. Живей. (Стрельба участилась).

ПЕЧЕНКА. Откатываются, отступают, бегут.

СЕРГЕЙ. Сейчас вернутся. (В телефон). Чекаленко, как там? Что? Приготовься, сейчас двинут в обход. Повернуть сейчас же... Я защищен крепко. Сюда не стрелять. Следить только за пулеметным взводом. Живей бить... Так... (Вползает Маруся).

МАРУСЯ. Товарищ командир, младший сержант Шаяметов и старший сержант Остапенко убиты. Вот их документы. (Передает).

СЕРГЕЙ (взял книжки, разворачивает, из одной выпал клочок бумаги. Печенка поднял).

ПЕЧЕНКА (читает). «Прошу не отказать и принять меня в партию Ленина—Сталина. Если убьют, то обязательно считайте—погиб коммунистом. Смерть фашистам. Гвардии старший сержант Останенко». (Пауза). Друг... друг, что же это ты?.. (Вытирает слезу). Так сразу неживой...

СЕРГЕЙ. Не плачь, браток. По таким не плачут... (Шум моторов приближается).

ПЕЧЕНКА (смотрит в ту сторону). Я ж вам. Давай, давай ближе. (Взял гранату).

СЕРГЕЙ (взял трубку). Слева от дороги двадцать пять, справа—тридцать один. По дороге—десять. Бить только слева и справа, команды не ждать. Апостолы, есть случай делать чудеса. За родину, орлы! Передать всем. (Положил трубку). Печенка, взять гранаты, ползти вон туда, к Гомелаури. Живей.

ПЕЧЕНКА. Есть, товарищ командир. (Взял гранаты и пополз).

СЕРГЕЙ (вынимает гранаты). Сиди

здесь, Маруся. (Ко второму бойцу) Гранаты есть?

ВТОРОЙ БОЕЦ (показывает). Так точно.

СЕРГЕЙ. Я к Башлыкову. Держитесь, ребята. (Пополз).

МАРУСЯ. Ух, черти... Дадут вам. Слыхал, командир сказал? За родину, орлы! Это он больше про Васю Сокола думал.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Про какого Васю?

МАРУСЯ. А, ты из пополнения, новый, не знаешь. Я тебе расскажу. У Васи глаза синие, синее... Вот такие. Брови, как птицы. Первый наводчик на всю гвардию. Орел. Типичный орел. Сразу всем видно. (Шум моторов сильнее, идет стрельба).

ВТОРОЙ БОЕЦ. Смотри там, где командир...

МАРУСЯ. Окружают... (Крикнула). Башлыков. Башлыков! Ага. Один стал. А вон еще на них. Беги с гранатами на помощь. Командира окружают. Беги.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Ой, не могу, мы пропали.

МАРУСЯ. Сволочь, дай гранаты. (Вырвала гранаты). Скажи Васе в телефон... (Побежала с гранатами. Боец смотрит вслед. Закрыл голову руками, опустился на дно окопа. Шум сильнее. Трещат пу-

леметы. Издали слышен голос Маруси: Вася... Вася... Взрыв. Один, другой).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина пятая

Утро. Кабинет командующего фронтом. Вошел ад'ютант, ставит на стол графин с водой. Выложил карандаши, чинит их. Через открытую дверь видно специального корреспондента Крикуна.

КРИКУН (подошел к двери). А как вы думаете, командующий скоро будет?

АД'ЮТАНТ. Не могу знать. Он всю ночь сидел на узле связи. А оттуда пойдет на квартиру. Поспать-то ему надо.

КРИКУН. А, может, сюда зайдет?

АД'ЮТАНТ. Все возможно, подождите.

КРИКУН. Ах, какая жалость. У меня через полчаса Москва на проводе. Я должен передать статью о героической гибели сына командующего.

АД'ЮТАНТ. Так передавайте.

КРИКУН. Дело в том, что у меня статья кончается так. Вот послушайте. (Вынимает, читает). «Он погиб на моих глазах, этот чудесный юноша, достойный

сын своего отца, сквозь грохот артиллерийской канонады я услыхал его последние бодрые слова: передайте отцу, я умираю спокойно, знаю, что он за меня отомстит кровавым гадам». Понимаете, если бы теперь всего несколько строчек от отца, я даже текстик набросал. (Читает). «Старик генерал долго сидел с опущенной головой, узнав о смерти любимого сына, потом поднял голову, в глазах его не было слез. Нет, я их не увидел! Они горели священным пламенем мести. Он твердо сказал: «Спи, мой мальчик, спокойно и не беспокойся. Я отомщу. Клянусь честью старого солдата». Вы понимаете, если бы это удалось мне сейчас провернуть. Вы понимаете, какая была бы статья. Это же фитиль всем газетам. Что же делать? Вот-вот Москва будет на проводе. А как вы думаете, если согласовать текстик по телефону?

АД'ЮТАНТ. А как же глаза командующего увидите по телефону? Вы ж так о них расписали.

КРИКУН. Милый мой, если бы я писал о том, что я видел, я бы не смог писать ежедневно. Я никогда бы не имел такой популярности. Редакция требует ма-

терпал каждый день. Читатель ко мне привык. Без статьи Крикуна газета не может выйти. Все газеты очень завидуют нашей. Всегда говорят моему редактору: вы счастливы. За вашего одного Крикуна мы бы отдали всех своих, да, отдали бы всех корреспондентов.

АД'ЮТАНТ. Да, вы пишете много. Я повсегда читаю. Очень бойко у вас выходит.

КРИКУН. Что же делать? Как позвонить командующему?

АД'ЮТАНТ. Туда звонить нельзя.

КРИКУН (посмотрел на часы). Я уже опаздываю. Передам так. Думаю, что командующий протестовать не будет. Как вы находите? Ведь написано здорово, а?

АД'ЮТАНТ. Ничего.

КРИКУН. Бегу передавать. Привет, привет. (Вышел).

(Входят начальник штаба Благонравов и Удивительный).

БЛАГОНРАВОВ. Не пришел?

АД'ЮТАНТ. Никак нет.

БЛАГОНРАВОВ. Звонил, что выезжает сюда. (Садится. Ад'ютант вышел).

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Подумайте, кто мог бы ожидать, что мы лишимся танко-

вого корпуса? Ведь все данные разведки говорили за то...

БЛАГОНРАВОВ. Не говорите. Какие данные? У нас никогда не было серьезных данных. В этом наше несчастье.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. По-вашему выходит, что у нас вообще разведка не существует.

БЛАГОНРАВОВ. Если говорить правду, на нашем фронте ее нет. Передовые части видят, что делается у неприятеля только до первого бугра, а что за бугром—чаще гадают. Мы, если бы не авиация, совершенно бы ничего не знали. А авиаразведка не в силах все сделать, не говоря уже о том, что данные авиаразведки сами нуждаются в проверке.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Я с вами не согласен. Даже удивлен. Сводки, которые я каждый день готовлю для вас, для...

БЛАГОНРАВОВ (перебивает). А я их решил не читать. Довольно! Надо принимать самые серьезные меры. Или нас с вами будут судить. Настоящая разведка—это всегда пятьдесят процентов успеха, а иногда и все сто. Только дурак этого не понимает. А мы же слепые люди. Позор.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Странно. Выходит, мы...

БЛАГОНРАВОВ. Да, да. Дураки. Я— потому, что с вами работаю. Вы же—от природы такой удивительный...

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Товарищ начальник штаба, командующий другого мнения о моей работе. Он меня знает много лет. Я протестую. Я, наконец, орденоносец...

БЛАГОНРАВОВ. Я знаю, что думает о вас командующий. А то, что вы орденоносец—это просто недоразумение.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Ага, по-вашему выходит, что правительство, награждая меня, ошиблось.

БЛАГОНРАВОВ. Да. И дважды. Первое—что вас наградили. И второе—что за нашу работу до сих пор ни у меня, ни у вас орденов не отобрали, с треском, с опубликованием в печати. (Вышел).

УДИВИТЕЛЬНЫЙ (вынул книжечку, записывает). Правительство ошибается. Правительство ошиблось дважды... Разведка у нас плохая. Что он еще говорил? Ага. (Пауза). Меня назвал дураком. Ясно. Эти настроения известны. Типично пораженческие. Обожди. Ты еще почувствуешь, какой я разведчик. (Берет трубку телефона). Иванова. Иванов, это

Удивительный. Когда у тебя партбюро? Сегодня? Очень хорошо. У меня есть вопросик, разобрать одно дельце надо. Слушай, ты не помнишь по анкете, Благонравов, из какой семьи? Происхождение? Ага. Сын дьякона. Ясно... Да так... Все. Я буду. (Положил трубку. Входит командующий).

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Здравствуйте, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Здоров. Фу, голова трещит. Не спал всю ночь.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Как можно, Иван Иванович. Да ведь ваше здоровье дорого всей стране.

ГОРЛОВ. Ничего. Что у тебя?

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Вот. (Подал бумагу).

ГОРЛОВ. Хорошо. Потом почитаю.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Иван Иванович, нехорошее настроение у Благонравова.

ГОРЛОВ. А что?

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Всем и всеми недоволен. Пахнет пораженчеством. Он говорит...

ГОРЛОВ (перебивая). Да ну его. Это же народ, знаешь какой. Командующий сделает, они сразу к его славе примазываются. Ходят гоголем и ордена полу-

чают. А чуть что не так, в кусты, боятся ответственности. Я их душонку знаю. А все происходит от одного: мозолей-то у них не было, откуда же у них закалка возьмется.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Правда, святая правда. Вот взять меня. На заводе я хотя и не очень долго работал, три года и две недели. Но просто сам не понимаю, как это мне нутра пролетарского на всю жизнь хватает. Вот смотришь, другой—и культуру имеет, и университеты окончил, а все-таки присмотришься—не то, нет. Типичное не то...

ГОРЛОВ. Ясно. Сверху культура, а нутра-то земляного и нет. Потому выходит не то.

(Входит начальник штаба. Удивительный вышел).

БЛАГОНРАВОВ. Прочтите. (Подал бумагу). Если исправлений не будет, сейчас дам шифровать. Из Москвы второй раз звонили. Требуют подробностей.

ГОРЛОВ (читает). Да. Хорошо. Так... А это уже нет. (Отметил карандашом).

БЛАГОНРАВОВ (смотрит). Почему?

ГОРЛОВ. Ты что, с неба упал? Командир танкового корпуса кто у нас? Балда.

Дурак. Потому его и побили. Об этом честно и надо написать.

БЛАГОНРАВОВ. Я все-таки думаю...

ГОРЛОВ (перебивает). Меня сейчас не интересует, что ты думаешь. Будет так, как я желаю. (Читает дальше). О... А это что же еще за открытие? Что же это ты Огнева сразу в Александры Македонские производишь, а старую калошу Колоса — в Суворовы?

БЛАГОНРАВОВ. Там этого нет. Но операцию провели они блестяще. Колокол взят.

ГОРЛОВ. Кто же это они? А мы-то где? По чьему приказу они действовали?

БЛАГОНРАВОВ. Как раз они вопреки вашему последнему плану действовали, по своему собственному плану, на что они получили согласие Москвы.

ГОРЛОВ. А за это я спрошу. Для этого и вызвал их. Смазывать командование фронта не позволю. Да и нечего развращать молодежь. Огнев и так выскочка. А тут уж совсем испортится. Нет. (Перечеркнул). Изволь переделать и через час тащи ко мне.

БЛАГОНРАВОВ. Товарищ командующий, извините, но я больше с вами не

могу работать. (Взволнованно). Я прошу меня снять. Я решил это потому...

ГОРЛОВ (перебивает). Постой, постой. Корабль еще не тонет и тонуть не собирается. А ты, как крыса, уже наутек. Не выйдет, братец. Я с тебя сначала штаны сниму, потом шкуру сниму, а потом, может, и выгоню.

БЛАГОНРАВОВ. Товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Довольно! Все! Иди и исполняй приказание.

БЛАГОНРАВОВ. Я... я... я не могу.

ГОРЛОВ. Ты не заикайся, а то будешь всю жизнь заикаться. Ты мой нрав знаешь. Я в психологиях не понимаю. (Благонравов вышел. Входит ад'ютант).

АД'ЮТАНТ. Генерал-майор Огнев и генерал-майор Колос прибыли по вашему приказанию.

ГОРЛОВ. Пусть сидят там и ждут.

АД'ЮТАНТ. Есть (вышел).

ГОРЛОВ (взял трубку). Хрипуна. Хрипун? Вот что. Вали сейчас ко мне, позавтракаем вместе... Коньяк? Прихвати. (Положил трубку. Входит Мирон Горлов).

МИРОН. Здорово, Иван. Ты что же всю ночь просидел на узле связи?

ГОРЛОВ. Да. Едешь?

МИРОН. Самолет готов. Сейчас на аэродром отчаливаю. Больше погоды ждать не могу. Что будет, то и будет.

ГОРЛОВ. Сегодня как будто немного лучше.

МИРОН. Как-нибудь доберусь. Не думал я, что такой от'езд печальный будет.

ГОРЛОВ. Да. Сергея я любил. (Большая пауза).

МИРОН. Какой он был весь солнечный. Я просто не могу представить. Трудно понять...

ГОРЛОВ. Что же делать? Война есть война.

МИРОН. Я понимаю, Иван, как тяжело тебе... Не знаю, скоро ли мы встретимся, а может... Поэтому я решил на прощанье... Прошу, прости меня. Хочу тебе сказать несколько горьких, но правдивых слов. Я должен это сделать.

ГОРЛОВ. Давай, давай.

МИРОН. Знаешь, брат, не надо обманывать себя и государство. Ты не умеешь и не можешь командовать фронтом. Это не по твоим плечам, не то время. В гражданской войне ты воевал почти без артиллерии, и у врага ее немного было, воевал без авиации, без танков, без серьезной техники, которая теперь есть и кото-

рую надо знать, знать, как свои пять пальцев... А ты ее мало знаешь или даже вовсе не знаешь. Уйди сам. Пойми. Ведь мы строим машины для фронта день и ночь. Лучшие машины в мире. И для чего? Чтобы из-за твоей неумелости, из-за твоей отсталости гибла их добрая половина... Что я скажу рабочим, когда вернусь на завод? Инженерам? Ведь они с первого дня войны не выходят из цехов. Герои. Как бойцы на передовой линии фронта. Я не могу скрыть от них, что их драгоценный труд, наша богатая техника используется тобой на фронте неумело, без знания дела. Пойми, Иван, покуда не поздно. Иначе тебя снимут.

ГОРЛОВ (перебивает). Обожди. (Нажал кнопку. Вошел ад'ютант).

АД'ЮТАНТ. Слушаю, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Этот гражданин сейчас едет на аэродром. Проводи его к машине.

АД'ЮТАНТ. Слушаюсь, товарищ командующий. Прошу вас.

(Большая пауза).

МИРОН. Не беспокойтесь обо мне. Свою дорогу я знаю крепко. Вы останьтесь с командующим. Я думаю, что его

самого скоро придется провожать. (Вышел).

АД'ЮТАНТ. Разрешите, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Ну...

АД'ЮТАНТ. Генерал-майор Огнев просит—или сейчас его примите или назначьте точно время: ему надо итти на перевязку.

ГОРЛОВ. А что ему перевязывать, опять башку?

АД'ЮТАНТ. Никак нет, правую руку.

ГОРЛОВ. Ну, давай их.

АД'ЮТАНТ. Есть. (Вышел).

(Входят в парадных костюмах Огнев и Колос).

ОГНЕВ. Прибыли по вашему приказанию. (Пауза)

ГОРЛОВ. Вижу. Оба калеки?

КОЛОС. Ранен только генерал-майор Огнев, я здоров.

ГОРЛОВ. Что же это вы так сегодня вырядились. (К Колосу). Ты, небось, всю ночь усы крутил. Думаете, поздравлять будем, банкет вам устроим? Нет, голубчики, ошиблись.

ОГНЕВ. Мы знали, что вы это скажете, товарищ командующий.

ГОРЛОВ. Ну?

КОЛОС. Так точно.

ГОРЛОВ. Что же, садитесь, голубчики, поговорим по душам. (Огнев и Колос сели). С кого же начинать? С тебя, Огнев, придется, тебе дано было больше, тебе и отвечать больше. Ну? (Пауза). Чего молчишь?

ОГНЕВ. Жду вопросов.

ГОРЛОВ. А чего ждать. Расскажи, почему оперативный план не провели в жизнь?

ОГНЕВ. Мы действовали по своему плану, имели на то разрешение Москвы. Вам это известно. Станция Колокол взята, вся группировка немцев разгромлена. Наш оперативный план оказался правильным.

ГОРЛОВ. Кто же я здесь в таком случае, командующий фронтом или нет? (Огнев молчит). Слушай, Огнев, ты что задумал, чего ты от меня хочешь?

ОГНЕВ. Одного—чтобы вы больше фронтом не командовали.

ГОРЛОВ. Ага, и ты этого желаешь, мой старый друг?

КОЛОС. Так точно!

ГОРЛОВ. Теперь я вас, молодчики, понимаю.

(Входит член Военного Совета Гайдар).

ГОРЛОВ. Во-время приехал, здоров.

ГАЙДАР. Здравствуйте. (Пожал всем руку). Задержали меня в Москве. Очень рад (к Огневу и Колосу), что вас застал, поздравляю с замечательной победой.

ГОРЛОВ. Обожди поздравлять.

ГАЙДАР. Почему?

ГОРЛОВ. Ты знаешь, что он только что сказал?

ГАЙДАР. Ну?

ГОРЛОВ. Повтори! Пусть член Военного Совета услышит. (Пауза). Что хвост поджал?

ОГНЕВ. Товарищ член Военного Совета, я заявляю, что у нас нет командования фронтом.

КОЛОС. Так точно!

ГОРЛОВ. Слыхал? (Большая пауза).

ГАЙДАР. Да. (К Огневу и Колосу). Выйдите на несколько минут и обождите.

ОГНЕВ. Есть. (Вышли).

ГОРЛОВ (пишет). Я им покажу...

ГАЙДАР. Ты что делаешь?

ГОРЛОВ. Сейчас кончу, будешь подписывать, прочтешь. (Пишет). Я им вправлю мозги, на всю жизнь запомнят. На, подпиши.

ГАЙДАР (взял, не читая разорвал и бросил). Хватит, товарищ Горлов, мозги вправлять. Пора вам отдохнуть от этой тяжелой работы. Прочтите приказ Москвы о вашей отставке. (Подает. Горлов прочитал. Большая пауза). Вы человек храбрый и преданы нашему великому делу. Это очень хорошо, и за это вас уважают. Но этого недостаточно для победы над врагом. Для победы необходимо еще уменье воевать по-современному, уменье учиться на опыте современной войны, уменье выращивать новые молодые кадры, а не отталкивать их. Но этого уменья у вас нет, к сожалению. Конечно, знание дела, уменье воевать—дело наживное. Сегодня не умеешь воевать, сегодня нет у тебя достаточных военных знаний, завтра они будут, и уменье воевать, и знание дела, если, конечно, есть сильное желание учиться, учиться на опыте войны, работать над собой и развиваться. Но этого-то желания и нет у вас. Могут ли старые полководцы развиваться и стать знатоками приемов современной войны? Конечно, могут и не меньше, а, пожалуй, больше, чем молодые, если только они захотят учиться на опыте войны, если только они не будут счи-

тать для себя зазорным учиться и развиваться дальше. Недаром говорит мудрая народная пословица: «Век живи, век учись». Но вся беда здесь состоит в том, что вы, т. е. некоторые старые полкородцы, не хотите учиться, вы больны самомнением и думаете, что вы уже достаточно учены. В этом ваш главный недостаток, товарищ Горлов.

ГОРЛОВ (встал. Большая пауза). Что же, это ты подготовил мою отставку?

ГАЙДАР. К сожалению, нет. Работал с тобой дружно, подписывал, припечатывал, спорил, но не портил отношений, в общем не был настоящим партийным руководителем. За это мне и попало так, что всю жизнь буду помнить,—правильно попало.

ГОРЛОВ. Благодарю за откровенность. Что же, приказ есть приказ. Я человек военный, подчиняться привык. Увидим, как это вы без меня воевать будете. (Надел шапку, шинель). Пожалеете, но будет поздно.

ГАЙДАР. Не пугай, большевики не из пугливых. У нас нет незаменимых людей. Многие нас пугали, но они давно почивают на мусорной свалке истории. А партия крепка, как сталь. (Пауза).

ГОРЛОВ. Кому прикажете сдать дела?

ГАЙДАР. Узнаете сегодня, вас вызовут.

ГОРЛОВ. Слушаюсь. (Козырнул, вышел в боковые двери).

(Телефон. Гайдар взял трубку).

ГАЙДАР. Слушаю. Что такое? Кто вы? Крикун? Это вы специальный корреспондент... Обождите. Это вы раскритиковали нашу фронтовую газету за то, что она опубликовала статью о связи... Вы... Так слушайте. С вами говорит член Военного Совета фронта Гайдар. Немедленно уматывайтесь отсюда к чортовой матери, и если завтра вас обнаружат на территории нашего фронта, то вы запищите, как никогда в жизни. (Положил трубку. Входит генерал-майор Хрипун. В руках у него большой сверток).

ХРИПУН. С приездом, товарищ член Военного Совета. Командующий вышел?

ГАЙДАР. Сейчас зайдет. (Нажал кнопку. Вошел ад'ютант).

АД'ЮТАНТ. Я слушаю.

ГАЙДАР. Попросите командующего фронтом генерал-майора Огнева и генерал-майора Колоса.

ХРИПУН. Вы хотели сказать: генерала Горлова, вы ошиблись.

ГАЙДАР. Я не ошибся. Исполняйте приказание.

АД'ЮТАНТ. Есть. (Вышел).

ХРИПУН. Что же это? (Сверток вылетел из рук, и раздался звон разбитых бутылок).

ГАЙДАР (подошел). Что это?

ХРИПУН. Коньячок, жаль разбился. Можно было бы в честь нового командующего, а? У меня еще есть, а?

ГАЙДАР. Уберите и убирайтесь вон.

ХРИПУН. Слушаюсь, слушаюсь, слушаюсь. (Схватил сверток, побежал. Входит Огнев, за ним Колос).

ГАЙДАР. Я очень рад, что по поручению товарища Сталина вручаю вам этот приказ о назначении вас командующим фронтом. (Подал Огневу. Огнев читает. Колос тоже).

ОГНЕВ. Как же это, ведь я очень молод...

ГАЙДАР. Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев наряду со старыми полководцами и выдвигать надо таких, которые способны вести войну по-современному, а не по-старинке, способны учиться на опыте

современной войны, способны расти и двигаться вперед.

КОЛОС. Володя, дорогой... Извиняюсь... (Вытянулся). Товарищ командующий фронтом, посмотрите на меня, старика, и вы поймете, как это правильно. (Обнял и поцеловал Огнева).

КОНЕЦ.

Отв. редактор Н. И. СТРАХОВ.
Тех. редактор Г. М. ГОРЕНШТЕЙН.
Рев. корректор О. П. ГАРОЗА.

ФЛ4291. Формат 4х6 кв. 112 стр. Тир. 5100. Зак. № 2039.

Типо-литография издательства „Сталинское знамя",
Пенза, ул. Кирова, 65.

Цена 2 р. 50 к.